

Рудольф Штайнер

Социальные и антисоциальные стремления. Социальный парафеномен

Лекция №4 (6 декабря 1918 г., Дорнах)
и №7 (12 декабря 1918 г., Берн) из GA 186,
«Основное социальное требование нашего времени.
В изменившихся условиях настоящего времени»

Переводчик: Алексей Жилов
Редактор: Кира Езерская

Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

2022

bdn-steiner.ru

Социальный прафеномен Лекция №4 из GA 186

Дорнах, 6 декабря 1918 г.

Выступая на днях, я особо подчёркивал, что на физическом плане райское состояние (если вновь воспользоваться тем выражением, которое я употребил тогда) невозможно, и следовательно, все так называемые решения социального вопроса, с помощью которых с той или иной степенью сознательности хотят осуществить на физическом плане такое райское состояние, которое к тому же ещё и должно быть нескончаемым, — что все подобные так называемые решения социального вопроса с необходимостью построены на иллюзиях. Всё, что я сообщаю в связи с явлениями современности, прошу вас воспринимать в свете этого. Ибо, без сомнения, в современной действительности выступает одно требование, которое можно назвать требованием придать человеческим отношениям социальный облик. Но при этом дело заключается в том, что нельзя свести этот вопрос к абстракции, нельзя воспринимать его в абсолютном смысле, но — как я уже говорил в прошлый раз — нужно исходя из духовнонаучного взгляда выработать знание о том, что необходимо именно для нашего времени. О том, что вытекает из духовнонаучных предпосылок как необходимое именно для нашего времени, мы и собираемся теперь поговорить.

Когда сегодня говорят о социальном вопросе или о социальных требованиях, то упускают из виду, что в соответствии с условиями нашего времени социальный вопрос без углублённого познания человеческой сути вообще не может быть решён. Можно придумать, какие социальные программы нужны, можно также захотеть воплотить идеальные социальные состояния, но всё это вынуждено остаться бесплодным, если не исходит из познания человека как такового, — и из более глубокого его познания. Я уже обращал внимание на то, что социальная структура, о которой я говорил, — социальная трёхчленность, которую я должен был самым решительным образом представить как требование нашего времени, — именно потому соответствует нынешнему времени, что она соотносится с познанием человека во всех частностях, с познанием человека, каким он предстаёт в данный момент пятой постатлантической эпохи. И с этой точки зрения я прошу вас рассматривать всё, что буду говорить в дальнейшем.

Прежде всего необходимо учитывать, что требуемый современными условиями социальный порядок невозможно установить, если не будет осознано: этот социальный порядок связан с тем, что человек себя познаёт в своём отношении к социальному. Можно сказать: познание человека является едва ли не самым сложным из всех познаний, и потому в древних мистериях призыв «Познай самого себя» представлялся в качестве высшей цели устремлений мудрости. Современному человеку особенно трудно даётся понимание того, что всё приходящее из Космоса деятельно в нём, что в нём действует абсолютно всё. Человеку приятнее всего иметь о себе представление настолько простое, насколько это только возможно, так как именно в наше время он особенно привык к удобствам в своём мышлении, в своих представлениях. Но человек — совсем не простое существо. Как раз в отношении этой действительности недопустимы какие-либо действия, основанные на произволе в представлениях. И прежде всего человек не является простым существом в социальных отношениях. Именно в социальных отношениях он является таким существом, каким он крайне охотно предпочёл бы не быть; крайне охотно он предпочёл бы быть другим, чем он есть. Можно сказать: человек ведь, на самом деле, невероятно любит самого себя. Этого нельзя отрицать: человек невероятно любит самого себя. И через себялюбие человек обращает самопознание в источник заблуждений. Так что человек не хочет признаваться себе в том, что он, собственно, лишь

наполовину является социальным существом, тогда как в другой своей части он оказывается существом антисоциальным.

Строго и решительно признаться себе, что человек является одновременно и социальным, и антисоциальным существом, — это основное требование социального человекопознания. Можно выразиться позитивно: я стремлюсь стать социальным существом, — и это нужно сказать, поскольку, не будучи социальным существом, человек вообще не может должным образом жить с другими людьми. Но в то же время в человеческой природе заложено стремление постоянно бороться с социальным, постоянно быть антисоциальным существом.

Мы неоднократно рассматривали человека с самых разных точек зрения в соответствии с трёхчленностью его души: в связи с его мышлением (или представлением), чувствованием и волением. Сегодня мы могли бы также и в социальной сфере рассмотреть человека в связи с его мышлением (или представлением), чувствованием и волением. Прежде всего в отношении представления и мышления должно уяснить, что в этом представлении, в этом мышлении находится исключительно важный источник антисоциального в человеке. Уже благодаря тому, что человек является мыслящим существом, он является также существом антисоциальным. И только духовная наука в состоянии прийти здесь к истине. Ибо только духовная наука в состоянии пролить свет на вопрос: в каком отношении мы как люди находимся к другим людям? Когда для обычного, повседневного сознания, или, лучше сказать, для обычной, повседневной жизни устанавливается в известной степени правильное отношение человека к человеку? Если правильное отношение между человеком и человеком установлено, тогда, без сомнения, присутствует и социальный порядок. Но, видите ли, тут имеет место один — можно было бы сказать «злополучный», но тот, кто смотрит глубже, скажет «необходимый» — особенный факт, заключающийся в том, что человек развивает правильное отношение к другому человеку только во сне. Только когда мы спим, мы устанавливаем непосредственное, правильное отношение к другому человеку. В тот момент, когда ваше обычное дневное сознание прерывается, когда вы пребываете в состоянии, длящемся от засыпания до пробуждения, в состоянии сна без сновидений, вы являетесь — сейчас я говорю о представлении, о мышлении — социальным существом. Когда же вы пробуждаетесь, то в тот же момент через представление, через мышление начинаете развивать антисоциальные импульсы. Нужно только представить себе, сколь сложными становятся отношения в человеческом обществе благодаря тому, что человек, собственно говоря, только во сне правильным образом относится к другим людям. С других точек зрения я уже различным образом указывал на это. Я указывал, например, что в бодрственном состоянии человек может быть настоящим шовинистом, националистом, — но когда он спит, то переносится как раз в среду тех людей, пребывает совместно с теми — а именно с их народным духом, — кого он, бодрствуя, особенно ненавидел. С этим ничего нельзя поделать. Сон — социальный примиритель. Но поскольку современная наука вообще ничего не желает знать о сне, она ещё очень долго не будет включать в свои социальные рассмотрения то, о чём я только что рассказал.

Однако в бодрственном состоянии мы благодаря мышлению ввергаемся ещё в одно антисоциальное течение. Представьте себе, что вы стоите перед другим человеком. Человек лишь потому противопоставлен остальному человечеству, что противопоставлен каждому отдельному человеку. Вы, естественно, являетесь мыслящим человеком, — вы не были бы человеком, если бы не были мыслящим. Я говорю сейчас только о мышлении; о чувствовании и волении мы поговорим потом, с точки зрения чувствования и воления можно бы было кое-что возразить, но с точки зрения представления верно то, что я говорю сейчас. Когда вы как представляющий, мыслящий человек стоите перед другим человеком, происходит нечто примечательное, а именно: благодаря взаимному отношению, образуемому между вами, в вашем подсознании присутствует стремление быть усыпленным другим человеком. В подсознании вы прямо-таки усыпляетесь другим человеком. Видите ли, это совершенно нормальное отношение человека к человеку: когда мы пребываем вместе, то один всегда стре-

мится усыпить подсознание другого, — и это работает, конечно, по отношению к обеим сторонам. И что же вы как мыслящий человек должны при этом делать? Всё, что я сейчас рассказываю, происходит, естественно, в подсознании, но от этого не становится менее действительным. Это факт, хотя и не вступающий в обычное сознание. Таким образом, когда вы стоите перед человеком, он вас усыпляет, то есть усыпляет ваше мышление. Но не чувствование или воление. Теперь вы, если желаете оставаться мыслящим человеком, должны внутренне этому сопротивляться. Вы должны активизировать своё мышление. Вы должны защищаться от усыпления. Стоять перед другим человеком всегда означает: удерживаться в бодрственном состоянии, будить себя, освобождаться от того, что он хочет с нами сделать.

Видите ли, подобные вещи происходят в жизни, а жизнь постигают лишь тогда, когда рассматривают её духовнонаучно. Вы разговариваете с человеком — да, пусть только с одним человеком, — это означает, что вопреки его стремлению усыпить вас в отношении вашего мышления вы должны постоянно сохранять пробуждённость. Хотя в обычное сознание это и не вступает, но действует в человеке как антисоциальный импульс. В некотором смысле каждый человек предстаёт перед нами как враг нашего представления, враг нашего мышления. Мы должны защищать своё мышление от других. А это значит, что в отношении представления, в отношении мышления мы являемся существами в высшей степени антисоциальными, и из нас, вообще говоря, можно ещё только воспитать социальных существ. Если бы путём воспитания, путём самовоспитания, благодаря реалиям, в которых живём, мы перестали бы постоянно отбиваться от других людей, то тогда в своём мышлении мы могли бы стать социальными существами. А поскольку мы продолжаем отбиваться, то нам должно быть ясно, что социальными существами мы ещё только можем стать, можем стать путём самовоспитания, и что от природы как мыслящие существа мы прежде всего антисоциальны.

И теперь вы видите, что не вдаваясь в душевное, в тот факт, что человек является мыслящим существом, вообще ничего нельзя сказать о социальном вопросе, поскольку социальный вопрос коренится в интимнейших глубинах человеческой жизни. И кто не считается с тем, что человек развивает антисоциальные импульсы благодаря уже одному тому, что мыслит, тот не в состоянии подойти к социальному вопросу.

Во сне дело обстоит проще. Там мы усыплены без постороннего вмешательства. Таким образом, там может быть перекинут мост ко всем людям. В бодрственном же состоянии всякий стоящий перед нами человек стремится нас усыпить, чтобы мог быть построен мост к нему — так же как и мы по отношению к нему стремимся к тому же самому. Однако мы вынуждены сопротивляться этому усыплению, иначе в общении с людьми мы были бы лишены нашего мыслящего сознания.

Таким образом, это совсем не просто — выдвигать социальные требования; ибо большинство людей, выдвигающих социальные требования, совершенно не осознают при этом, насколько глубоко в человеческой природе коренится антисоциальное. И прежде всего человек не склонен говорить себе о чём-то подобном как о результате самопознания. Ему ведь легче было бы признаться в том, что он не один является антисоциальным существом, что он является таковым наряду со всеми другими людьми. И немного втайне каждый человек — даже признавая, что люди в целом как мыслящие существа антисоциальны, — делает для себя оговорку: за исключением меня. И даже если он полностью не признаётся себе в этом, то в его сознании брезжит втайне нечто вроде следующего: я всё-таки являюсь исключением, это другие как мыслящие существа являются антисоциальными. Ведь это представляет особую трудность — со всей серьёзностью признать, что человеком невозможно быть, но необходимо человеком постоянно становиться. И это особенно глубоко связано с вещами, которыми можно научиться в наше время.

Сегодня уже стало возможным указать на то, с чем пять-шесть лет тому назад не хотели иметь никакого дела, — что определённые недостатки и повреждения в человеческой природе распространились по всей Земле, — ибо эти недостатки и повреждения слишком сильно

скомпрометировали себя. Люди пытаются обмануть себя в отношении необходимости становления. Они пытаются прежде всего указывать не на то, чем им надлежит стать, а на то, чем они уже являются. Так, сегодня мы находим, что большое число людей, проживающих в странах Антанты и в Америке, думают исключительно о том, что они собой представляют лишь как жители этих стран. Они не нуждаются в том, чтобы пребывать в становлении, им вполне достаточно указывать на то, как они отличаются от плохих людей в центральноевропейских странах, насколько те черны, а белыми являются только они сами. Такие человеческие иллюзии широко расходятся по земным путям, но естественно, что со временем за это наступит жестокая расплата.

Это желание быть, а не становиться человек несёт в глубинах своей души как враждебный настрой по отношению к духовной науке. Ибо духовная наука не может не указывать человеку на то, что он постоянно должен пребывать в становлении, что благодаря тому или иному он не может быть готовым, законченным существом. Человек ужасно заблуждается на свой счёт, когда полагает возможным указать на нечто абсолютное, что обуславливает в нём какие-либо особые совершенства. Всё, что не находится в становлении, обуславливает в человеке не совершенства его, а как раз несовершенства.

Но то, что я рассказал вам о человеке как мыслящем существе и о порождаемых в связи с этим антисоциальных импульсах, имеет ещё другую важную сторону. Видите ли, человек некоторым образом парит между социальным и антисоциальным, подобно тому как он парит между бодрствованием и сном; можно также сказать: сон — социален, бодрствование — антисоциально; и как для здоровой жизни он должен парить между бодрствованием и сном, так же должен он парить и между социальным и антисоциальным. Исключительно важно принимать это во внимание в отношении человеческой жизни. Ибо вследствие этого человек может к одному склоняться более, к другому менее, как в той или иной мере может он склоняться ко сну или к бодрствованию. Есть люди, которые спят сверх меры, — которые, следовательно, в смене состояний сна и бодрствования более склоняются к одной чаше весов. Точно так же человек может развивать в себе преимущественно социальные или преимущественно антисоциальные импульсы. И человеческие индивидуумы различаются тем, что один больше развивает социальные импульсы, а другой — антисоциальные. Если до некоторой степени знать людей, то по этому признаку их можно хорошо различать, люди чётко делятся на эти две группы. Одни более склонны быть социальными, другие — антисоциальными существами.

Итак, я сказал: это имеет также и другую сторону, — ибо антисоциальность связана с тем, что мы до некоторой степени защищаем себя от того, чтобы быть усыпленными. Но с этим связано ещё кое-что другое. Это делает нас больными. Пусть и не всегда ясно для восприятия — хотя иногда это отчётливо видно, — но болезни являются отсюда: к причинам болезни относится антисоциальная сущность человека. И тогда легко понять, что социальная сущность представляет собой одновременно нечто оздоравливающее, нечто оживляющее. Из этого вы можете также увидеть, сколь удивительна человеческая природа. Человек не может оздоровить себя через социальную сущность без того, чтобы не быть до некоторой степени усыпленным.

Когда он порывает с социальной сущностью, то укрепляет своё мыслящее сознание, но становится антисоциальным. И тем самым он также парализует оздоравливающие силы, находящиеся в подсознании, в его организме. То, что присутствует в человеке как социальные и антисоциальные импульсы, воздействует, таким образом, вплоть до жизненной конституции, определяя здоровое или нездоровое состояние организма. Кто развивает человекопознание в этом направлении, тот может то или иное количество существующих болезней свести к антисоциальной сущности человека. Болезни человека связаны с антисоциальной сущностью в большей степени, чем полагают, — в особенности те болезни, которые часто являются таковыми в полном смысле слова, хотя и выражаются, скажем, в «причудах», во всякого рода

самоистязаниях, в мучении других, в шутовстве, в навязчивом стремлении «выкидывать что-нибудь этакое». Всё это, конечно, связано с нездоровой органической конституцией, но именно из повышенной склонности к антисоциальным импульсам она постепенно и развивается.

Вообще, следует уяснить себе, что здесь кроется очень значительная жизненная тайна. Исключительно важно — как для воспитания других, так и для самовоспитания — живо, а не только теоретически, познать эту тайну. Это значит: иметь стремление собственную жизнь крепко взять в свои руки, стремление размышлять о преодолении антисоциального, стремление переживать это в чувствах, чтобы освободить себя от этого. Многие люди могли бы не только избавиться от своих «причуд», но и исцелиться от многих болезней, если бы исследовали свои антисоциальные импульсы. Но делать это нужно со всей серьёзностью. Это нужно делать без себялюбия, ибо для жизни это имеет огромное значение. — Вот что для начала должно быть сказано о социальном и антисоциальном в человеке в отношении его представления, его мышления.

Однако человек является ещё и чувствующим существом, а с чувствами, в свою очередь, также связано нечто особенное. Ведь и в отношении чувств человек не является простым существом, как он это охотно хотел бы себе представлять. Дело в том, что чувства человека к человеку содержат в себе парадоксальную особенность. Чувство обладает той особенностью, что оно прежде всего склонно давать нам ложное ощущение другого человека. Первая склонность подсознания человека при общении с другим человеком всегда заключается в том, что в этом подсознании всплывает искажённое ощущение другого человека, и в жизни нам всегда приходится сначала бороться с этим искажённым ощущением. Изучающий жизнь легко заметит, что человек, не склонный с интересом относиться к другим людям, бранит почти всех, — по крайней мере, через некоторое время. Эта особенность присуща многим. Они лишь какое-то время относятся к тому или иному человеку с любовью, а потом с этими людьми что-то происходит, и они начинают ругать других или что-то против них затевать. Зачастую человек сам не понимает, что же он имеет против другого, так как эти вещи во многом разыгрываются в подсознании. И всё это происходит оттого, что на самом деле подсознание имеет тенденцию исказить образ другого человека, который мы создаём для себя. Необходимо сначала хорошо узнать другого человека, и тогда мы увидим, что в образе, который создали для себя, требуется исправить искажения. Как бы парадоксально это ни звучало, но это было бы хорошим жизненным принципом, — хотя и с учётом исключений, — если бы мы всегда стремились исправлять образ человека, который запечатлелся в нашем подсознании, при всех обстоятельствах как-то его исправлять. Ибо существует подсознательная тенденция судить о людях на основании симпатий и антипатий. Ведь сама жизнь побуждает нас к этому. И как жизнь побуждает нас к тому, чтобы быть мыслящими людьми, и тем самым мы становимся антисоциальными, точно так же жизнь побуждает нас к тому — вещи, о которых я говорю, являются просто фактами, — чтобы судить о людях на основании симпатий и антипатий. Но всякое суждение, вынесенное на основании симпатии или антипатии, — ложно. Не существует истинных, правильных суждений, если они построены на симпатии и антипатии. А поскольку подсознательное в чувствах всегда стремится к симпатии и антипатии, оно формирует ложный образ окружающих нас людей. Мы вообще не можем иметь в подсознании правильный образ другого человека. Конечно, иногда мы имеем очень хорошее мнение о ком-то, но оно всегда образовано на основе жизни симпатий и антипатий, и тогда не остаётся ничего другого, как просто признаться себе в том факте, что и здесь в качестве человека нельзя быть чем-то, но можно чем-то только становиться. Нужно сказать себе, что именно в случае сообщения с людьми через чувства необходимо вести выжидающую жизнь. Не следует доверять первому образу того или иного человека, проникающему в сознание из подсознания, но нужно попытаться жить с людьми. И если попытаться жить с

людьми, то станет видно, как из антисоциального настроения, которое, собственно, всегда возникает поначалу, развивается настроение социальное.

Таким образом, исключительно важно изучать жизнь человеческих чувств, поскольку она антисоциальна. В то время как мыслительная жизнь антисоциальна по той причине, что человек должен защищаться от усыпления, жизнь чувств антисоциальна по той причине, что, строя свои отношения с другими людьми на основе симпатий и антипатий, человек изначально вносит в общественные отношения ложные течения чувств. Исходящее от человека через симпатию и антипатию изначально таково, что вносит в жизнь человеческого общества антисоциальные течения. Можно сказать, как бы парадоксально это ни звучало, что в действительности существование социального общества было бы возможно только в том случае, если бы люди не жили в симпатиях и антипатиях. Но тогда они не были бы людьми. Из этого опять-таки следует, что человек является одновременно социальным и антисоциальным существом, так что то, что называется «социальным вопросом», должно касаться интимных сторон человеческого существа. И если их не затрагивать, то невозможно когда бы то ни было прийти к решению социального вопроса.

В отношении воления, протягивающегося от одного человека к другому, особенно поразительно и парадоксально проявляется то, каким сложным существом является человек. Вы ведь знаете, что в отношении воления между людьми играют роль не только симпатии и антипатии. Они играют роль, поскольку мы чувствующие существа, но совершенно особую роль здесь играют пристрастия и отвращения, переходящие в действие, то есть симпатии и антипатии в их действенном выражении, в их откровении. Человек относится к другим, сообразуясь с той симпатией, с той степенью любви, какую несёт им навстречу. Здесь подсознательная инспирация играет примечательную роль. Ибо то, что изливается во всяком взаимодействии волений людей, мы должны рассматривать в свете импульса, который лежит в основе этого взаимодействия, — в свете любви, в той или иной степени имеющейся между людьми. Ведь из этой любви, возникающей между людьми, дают они вырастать своим волевым импульсам, действующим от человека к человеку.

В отношении любви человек больше всего подвержен заблуждению и должен вносить ещё большие исправления, чем в случае обыкновенных симпатий и антипатий в области чувств. Ибо, как бы удивительно это ни звучало для обычного сознания, остаётся всё же верным, что любовь, проживаемая человеком по отношению к другим, если она не одухотворена — в обычной жизни любовь одухотворена лишь в малой степени, и я сейчас говорю не о половой или возникающей на половой основе любви, а вообще о любви человека к человеку, — эта неодухотворённая любовь, в сущности, не является любовью как таковой, но образом, который строит себе о ней человек, и чаще всего она оказывается не чем иным, как ужасной иллюзией. Ибо любовь, которую человек, как он считает, развивает к другим людям, — к таким, какие они есть в жизни, — чаще всего оказывается не чем иным, как любовью к самому себе. Человек верит, что любит других, но на самом деле любит только себя. Вы видите здесь источник антисоциального, который к тому же необходимо становится источником ужасного самообмана. Человеку может казаться, что он поднялся к переполняющей его любви к другому человеку, но на самом деле он любит не этого другого человека, а состояние связанности с ним в собственной душе. То, что при этом в отношении другого ощущается как душевный восторг, что ощущают в себе через совместное пребывание с другим, что выражают через признания другому в любви, — всё это, собственно, и становится предметом любви. Человек во всём любит себя, разжигая это себялюбие в общении со своим ближним.

Это важная жизненная тайна. Колоссальной важности! Ибо в заблуждении по поводу этой любви, о которой думают, что она есть любовь, а в действительности это лишь любовь к себе, себялюбие, замаскированный эгоизм — и по большей части всё то, что разыгрывается между людьми и что называют любовью, является лишь замаскированным эгоизмом, — в этом заблуждении кроется источник антисоциальных импульсов столь огромных и широко

распространяющихся, сколь можно это только помыслить. Через это маскирующееся под любовь себялюбие человек становится в высшей степени антисоциальным существом. Человек именно потому становится антисоциальным существом, что он замыкается в себе. И особенно он замыкается в себе тогда, когда не знает или не хочет знать об этом.

Вы видите, что говорящий сегодня человечеству о социальных требованиях должен особо принимать во внимание подобные состояния души. Нужно просто задаться вопросом: как могут люди создать какую-либо социальную структуру в сфере совместной жизни, если они не хотят прийти к ясности относительно того, сколько себялюбия заключено в так называемой любви, например, в любви к ближним? Таким образом, любовь может стать огромной силы импульсом к антисоциальной жизни. Можно сказать: человек, каков он есть, когда не работает над собой, когда не берёт себя в свои руки на пути самовоспитания, как любящее существо при всех обстоятельствах является антисоциальным существом. Как таковая любовь, когда она входит в человеческую природу без того, чтобы человек упражнялся в самовоспитании, первоначально антисоциальна, поскольку она исключает. И это вовсе не критика. Многие жизненные потребности связаны с тем, что любовь вынуждена стать исключающей. Разумеется само собой, что отец будет любить собственного сына больше, чем чужого ребёнка; но это антисоциально. Этим вовсе не отрицается, что антисоциальное в жизни порождается самой жизнью. И говорить: человек есть социальное существо, — как это стало сегодня особенно модным, — бессмысленно, ибо человек столь же социален, сколь и антисоциален. Сама жизнь делает человека антисоциальным существом.

Представим себе, что на Земле установилось бы то райское состояние, которое совершенно невозможно, но к которому стремятся, поскольку люди ведь куда больше любят нереальное, чем реальное, — представим себе, что было бы достигнуто такое райское состояние, или даже то сверхрайское состояние, которое хотят иметь на земле Ленин, Троцкий, Курт Айснер¹ и другие. Очень скоро несчётные массы людей восстали бы против такого положения вещей, так как они не смогли бы при этом оставаться людьми, ибо в подобном состоянии находили бы удовлетворение только социальные стремления, а это тут же привело бы в возбуждение стремления антисоциальные. Это так же неизбежно, как неизбежно качание маятника в обе стороны. В тот момент, когда вы осуществите райское состояние, антисоциальные стремления с необходимостью придут в движение. Если осуществится то, чего хотят Ленин, Троцкий и Курт Айснер, представляя это себе как райское состояние, то в кратчайшее время благодаря антисоциальным стремлениям всё должно будет превратиться в свою противоположность. Ибо такова сама жизнь, протекающая в смене приливов и отливов. И если этого не хотят понять, то, значит, вообще ничего не понимают о мире.

Часто можно услышать: идеалом общественной жизни является демократия. — Хорошо, давайте предположим, что идеалом государственной жизни является демократия. Но если эту демократию захотят каким-либо образом осуществить, то в своей конечной фазе она с необходимостью приведёт к собственному упразднению. Когда демократы собираются вместе, демократия неизбежно ведёт к тому, что одни постоянно хотят одержать верх над другими, всегда хотят оказаться правыми в сравнении с другими. Это разумеется само собой. Демократия стремится к своему собственному упразднению. Итак, если вы хотите где-нибудь установить демократию, то в мыслях вы можете расписать это самым прекрасным образом. Однако, будучи осуществлённой в действительности, демократия точно так же ведёт к своей противоположности, как маятник, после того как достиг одного крайнего положения, устремляется в противоположном направлении. По-иному в жизни не бывает. Демократии всегда будут через некоторое время погибать из-за своей собственной демократической природы. Таковы истины, в высшей степени необходимые для понимания жизни.

¹ Курт Айснер (Kurt Eisner, 1867–1919) — социалист, писатель, первый министр-председатель Народного государства Бавария. Был убит в Мюнхене 21 февраля 1919 года. (Здесь и далее, если не указано особо, — примечания переводчика.)

Сюда же относится ещё одна особенность, заключающаяся в том, что самые существенные свойства человека пятой постатлантической эпохи изначально являются прежде всего антисоциальными. Ибо в эту эпоху должно развиваться сознание, построенное на мышлении. Она будет в сильнейшей степени выявлять через человеческую природу антисоциальные импульсы. Из-за этих антисоциальных импульсов люди будут вызывать в большей или меньшей степени невыносимые состояния, и при этом реакция на антисоциальное всегда будет заявлять о себе в криках о социализме. Необходимо понять, что приливы и отливы должны постоянно сменяться. Ибо, представьте себе, что вы действительно социализировали бы общество: в конце концов наступило бы такое состояние, при котором мы, общаясь друг с другом, постоянно спали. Общение между людьми стало бы снотворным средством. Вам это трудно сейчас представить, поскольку вам не удастся придумать, как это конкретно могло бы выглядеть в подобной так называемой социалистической республике. Но такая социалистическая республика фактически была бы огромным государством-спальней для человеческой способности образовывать себе представления. Можно понять, что имеется тоска по чему-то подобному. У очень многих людей постоянно присутствует тоска по сну. Но нужно понять и то, каковы внутренние жизненные необходимости, и не следует удовлетворяться простым желанием того, что кому-то подходит или нравится; ибо, как правило, нравится то, чего нет в наличии. То, что человек имеет, он по большей части не ценит.

Из этих сообщений вы видите, что, говоря о социальных вопросах, прежде всего необходимо интимно проникнуть в существо человека, и что это существо человека следует познать до такой степени, чтобы понять, как реализуются в человеке социальные и антисоциальные стремления. В жизни социальные и антисоциальные стремления часто сплетены в клубок, который невозможно распутать. Потому-то так трудно говорить о социальном вопросе. Социальный вопрос едва ли можно обсуждать без наличия склонности действительно познавать интимную природу человека, познавать, например, то, каким образом носителем антисоциальных импульсов является буржуазия как таковая. Буржуазная жизнь развивает антисоциальные импульсы уже просто потому, что в существенном она сводится к развитию особой сферы жизни, — настолько удобной, что в ней можно пребывать в успокоенности. Если исследовать это присущее буржуа стремление, то окажется, что оно сводится к тому, чтобы согласно особенностям нашей эпохи стремиться создать на основе экономики жизненный остров, на котором он сможет спать по отношению ко всему, кроме каких-то отдельных жизненных привычек, развиваемых им согласно его субъективным симпатиям и антипатиям. Таким образом, благодаря этому буржуа может спать очень много. Но он стремится не к тому сну, к которому стремится пролетарий, постоянно удерживаемый в бодрственном состоянии экономическим положением, не дающим ему спать; пролетарий, следовательно, томится по сну в социальном смысле этого слова. Это очень существенное психологическое наблюдение. Обладание усыпляет; необходимость бороться в жизни — пробуждает. Засыпание через обладание способствует развитию антисоциальных импульсов, поскольку человек не томится по сну в социальном смысле. Тогда как постоянная нужда в заработке порождает томление как раз по сну в социальном смысле. Эти вещи обязательно нужно принимать во внимание, иначе совершенно невозможно понять современность.

Теперь можно сказать: несмотря на всё это, наша пятая постатлантическая эпоха так или иначе стремится к социализации в той форме, которую я вам недавно описывал. Ибо вещи, на которые я указал, придут: если люди на это решатся — то через человеческий разум; если же не решатся, то через катаклизмы, через революции. В пятой постатлантической эпохе человек стремится к социальной трёхчленности, и эта социальная трёхчленность должна прийти. Итак, наше время стремится к определённой социализации.

Но эта социализация невозможна — это следует из многочисленных рассмотрений, которыми мы здесь занимались, — если не будет сопровождаться ещё кое-чем другим. Социализация может иметь отношение только к внешней структуре общества. И в нашу пятую по-

статлантическую эпоху социализация, собственно, может заключаться только в обуздании мыслящего сознания, в обуздании антисоциальных человеческих инстинктов. Таким образом, через социальную структуру должно произойти некоторое обуздание антисоциальных инстинктов в области представлений. Должен быть создан противовес, должно быть каким-то образом достигнуто равновесие. Но равновесия можно достичь только благодаря тому, что порабощение мыслей, господство одних над мыслями других, пришедшее из предыдущих эпох, в которые оно было правомерно, будет устранено через возрастающую социализацию. Поэтому свобода духовной жизни должна в будущем иметь место наравне с организацией хозяйственных отношений, экономических отношений. Только свобода духовной жизни способна сделать возможными такие отношения между людьми, что мы будем видеть в другом — человека, конкретного человека, который стоит перед нами, а не человека вообще. В программе Вудро Вильсона² говорится о человеке вообще. Но этого «человека вообще», этого абстрактного человека нигде не существует. Тот, кто существует — всегда лишь отдельный, конкретный человек, которым мы можем интересоваться, — и иметь не просто мысленный интерес, а опять-таки интерес ко всему человеку. Вильсонизируя, строя абстрактный образ человека, мы исключаем то, что должны развивать в межчеловеческом общении. Существенное заключается в том, что в будущем социализация должна быть связана с абсолютной свободой мысли; социализация непредставима без свободы мысли. Поэтому социализация должна быть связана с искоренением всякого порабощения мысли, кем бы оно ни культивировалось — определёнными ли обществами англоязычных стран, в отношении которых я уже давал вам достаточно подробную характеристику, или римским католицизмом. И то и другое стоит друг друга, и исключительно важно, чтобы люди принимали во внимание их внутреннее сродство. Исключительно важно, чтобы в отношении подобных вещей сегодня не было никакой неясности. Вы могли бы то, что я сообщал вам об особенностях тайных обществ англоязычных стран, рассказать сегодня какому-нибудь иезуиту. Он бы очень обрадовался, потому что тем самым получил бы подтверждение относительно им представляемого. Но если вы хотите стоять на почве духовной науки, то вам должно быть ясно, что не следует путать ваше неприятие этих тайных обществ с неприятием их иезуитов. Это просто удивительно, как мало сегодня способности различать подобные вещи.

Недавно в одной открытой лекции я указывал, что сегодня важно обращать внимание не только на то, что говорится, но и на то, каким духом пронизано сказанное. Я уже приводил пример идентичных предложений у Вудро Вильсона и Германа Гримма³. Я говорю об этом потому, что теперь вы можете в ещё большей степени убедиться в том, что, например, выступающее с той стороны против англо-американских тайных обществ выглядит — но лишь внешне — одинаковым с тем, как оно должно было выступить здесь. Одна только такая вещь, как та, что, например, опубликована в декабрьском номере «Голоса времени», производит на человека, способного видеть фактическую сторону дела, карикатурное, комическое впечатление. Ибо само собой разумеется, что то, с чем нужно бороться в англо-американских тайных обществах, является тем же самым, с чем нужно бороться и в иезуитизме. И при этом одни противостоят другим, одни борются с другими — как противостоящие друг другу силы, которые не выносят друг друга. Как у одних, так и у других нет ни малейшего действительного, фактического интереса, а интересы только партийные, орденские. Мы должны сегодня

² Вудро Вильсон (Woodrow Wilson, 1856–1924) — историк, политолог, президент США в 1913–1921 гг. В 1918 году сформулировал так называемые «Четырнадцать пунктов Вильсона» — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну и призванного установить справедливый, по его мнению, мировой порядок.

³ Подробнее об этом Рудольф Штайнер говорил несколько раз в 1918 году, например, 14 марта (см. GA 67, «Вечное в человеческой душе. Бессмертие и свобода»), 30 марта (GA 181, «Умирание Земли и жизнь мира. Жизненные дары антропософии. Потребности сознания для настоящего и будущего»), 16 октября (GA 182, «Смерть как преобразование жизни»); 17 августа (GA 183, «Наука о становлении человека»), 26 октября (GA 185, «Историческая симптоматология»). — *Прим. ред. нем. изд.*

полностью отучиться от того, чтобы смотреть лишь на содержание и не обращать при этом внимания на то, с какой точки зрения нечто вносится в мир. Нечто может быть благотворным, целительным, если оно вносится в мир с точки зрения, действительной для данной эпохи; если же оно выводится на сцену другими силами, то может быть либо чем-то чрезвычайно комичным, либо даже вредным. Это необходимо сегодня совершенно особым образом иметь в виду. Ибо всё чаще и чаще будет случаться так: двое говорят одно и то же, но обернётся это вовсе не одним и тем же, поскольку у этих двоих разные основания. После всех тех испытаний, что принесла нам жизнь в течение последних трёх-четырёх лет, совершенно необходимо, чтобы мы наконец стали обращать внимание на подобные вещи, чтобы мы действительно в них вникали.

Но даже если с этими вещами и считаются, всё равно многого ещё не замечают. Сегодня, к примеру, часто спрашивают: как нужно устроить то либо это, как нужно сделать то либо это, чтобы оно было правильным? Но как ни устраивайте что бы то ни было в том или ином месте — если там не будет людей, мыслящих в духе нашей эпохи, то вы можете создать как наилучшие, так и наихудшие учреждения, и они могут оказаться в равной степени как здоровыми, так и нездоровыми, ибо всё зависит от того, какие люди в этом участвуют.

В наше время важно, чтобы человек действительно понял: он должен пребывать в становлении, он не может останавливаться на том, чем он уже является, но всё время должен представлять становящимся. При этом он должен обладать ещё и пониманием реальности, настоящему всматриваться в неё. Но к этому совсем, совсем не склонны, — я уже подчёркивал это с самых разных точек зрения. Во всех вещах, и особенно в отношении условий нашего времени, люди склонны не соприкасаться с действительностью и хотят воспринимать вещи так, как им это удобно. Конечно, образовать суждение, отвечающее сути дела, не так просто, как образовать суждение, поддающееся прямолинейной формулировке. И особенно непросто формировать суждения, отвечающие сути дела, когда они касаются социальной, человеческой, политической жизни, ибо здесь почти всегда верно как одно, так и ему противоположное, — причём верно в равной степени. Только когда стараются вообще не образовывать никаких суждений о подобного рода отношениях, а стремятся к образам реальности, что означает уже восхождение к имажинативной жизни, тогда становится возможным двигаться в верном направлении. В наше время исключительно важно стремиться не к абстрактным, законченным суждениям, а к живым образам реальности. Образом должно быть так же и то, что тяготеет к социализации. Следующее, что является необходимым условием: нет социализации без ориентации человека на духовнонаучность. — Итак, свобода мысли — с одной стороны, духовнонаучность — с другой.

На то, что лежит здесь в основе, я уже указывал и в публичных лекциях, в том числе в публичной лекции в Базеле⁴. Я обращал внимание на то, что некоторые материалистически мыслящие люди, которые всё хотят понять исходя из развития животного царства, говорят: ведь мы видим у животных начала социальных инстинктов, которые у человека развиваются до моральности. Но как раз то, что у животных является социальными инстинктами, поднимаясь до человека, становится антисоциальным. Как раз то, что у животных является социальным, у человека становится антисоциальным в высшей степени! Люди вообще не хотят двигаться в тех направлениях, на которых можно обрести реалистичный образ вещей, зато они стремятся быстро составлять суждения. Подойти надлежащим образом к устройству взаимоотношений между людьми будет возможно только тогда, когда человека станут рассматривать не просто согласно его животной природе, ибо как раз здесь-то он и является в наибольшей степени антисоциальным, но когда его будут рассматривать как духовное существо, — каждого человека как духовное существо. А это можно сделать лишь в том случае, если весь мир постигать относительно его духовной основы. Три вещи неразрывно связаны

⁴ Лекция в Базеле 8 ноября 1918 года «Нравственная, социальная и религиозная жизнь в свете сверхчувственного познания мира» (не опубликована). — *Прим. ред. нем. изд.*

между собой: социальность, свобода мысли, духовнонаучность. Это взаимосвязано. В нашу пятую постатлантическую эпоху развитие любого из этих трёх элементов без двух других невозможно.

Особенно необходимо, чтобы люди смогли осмысленно посмотреть на то обстоятельство, что в каждом человеке присутствует антисоциальная сущность. Можно было бы также сказать, даже если это звучит тривиально: для спасения нашей эпохи очень важно, чтобы люди перестали с такой ужасной охотой заниматься собой. Для настоящего времени особенно характерно, что человек столь охотно занят собой. И здесь вы опять-таки должны разглядеть: человек крайне охотно лелеет своё мышление, своё чувствование, своё воление; и если однажды он, приобрёл, например, какую-либо мысль, то расставаться с ней потом уже не хочет.

Видите ли, тот, кто действительно умеет мыслить, знает нечто такое, о чём никак не скажешь, что это пустяк: всё, что он мыслит правильно, когда-то он мыслил ложно. Человек, собственно, только о том знает верно, о чём он получил опыт: как оно действовало в его душе, когда он думал об этом ложно. Но с подобными состояниями внутреннего развития имеют дело весьма неохотно. Поэтому люди сегодня так мало понимают друг друга. Хочу привести один пример. Пролетарское мировоззрение, о котором я вам часто говорил, утверждает, что весь образ человеческих представлений целиком относится к идеологической надстройке, зависящей от хозяйственных отношений, так что люди образуют свои политические мысли на основе своих хозяйственных отношений.

Способный вникнуть в подобную мысль обнаружит, что она справедлива в широком смысле слова, и практически полностью справедливой является она для эпохи, начавшейся с шестнадцатого столетия. Ибо то, что думают люди начиная с шестнадцатого столетия, почти полностью является результатом хозяйственных отношений. Нельзя сказать, что это верно в абсолютном смысле слова, но в относительном — это практически полностью верно. Однако в такую голову, как голова профессора политэкономии, это входить не хочет. Например, неподалёку от этого места преподаёт в университете политэконом по фамилии Михельс⁵. Он утверждает, что вышеприведённая мысль неверна, ибо можно доказать, что не хозяйственными отношениями определяются политические мысли, а что с помощью политических мыслей можно существенно влиять на хозяйственные отношения, изменяя их. И затем этот профессор Михельс указывает на предпринятую Наполеоном континентальную блокаду, благодаря которой некоторые отрасли промышленности где-нибудь в Италии или в Англии были вынуждены прекратить своё существование и одновременно с этим появились другие. Таким образом, говорит он, перед нами явный случай, когда через политическую идею — континентальную блокаду — определяются экономические отношения. И он приводит также другие примеры подобного рода.

Я знаю: когда сотня людей читает об этом в книге профессора Михельса, им кажется убедительным то, что он говорит, ибо всё разработано чрезвычайно логично. Это кажется абсолютно правильным, и тем не менее это до смешного ложно. И это потому до смешного ложно, что все примеры, которые он приводит, трактуются по той же схеме, что и континентальная блокада. Несомненно, континентальная блокада способствовала тому, что некоторые отрасли промышленности в Италии вынуждены были измениться, но эти перемены в промышленности не вызвали никаких изменений в экономических отношениях между предпринимателями и рабочими. А это-то как раз и является характерным. Всё просыпается как из решета или из бочки без дна. Ведь эта экономическая теория Михельса является бочкой без дна. Всё, что он приводит, рассыпается, поскольку пролетарское мировоззрение вовсе не спорит с тем, что благодаря таким идеям, как континентальная блокада, во Флоренции развилась шелковая промышленность, которой раньше там не было, тогда как в Англии она не

⁵ Роберт Михельс (Robert Michels, 1876–1936) — политэконом, социолог, преподавал также в Базеле. — *Прим. ред. нем. изд.*

развилась. Пролетарское мировоззрение утверждает другое: несмотря на то, что благодаря континентальной блокаде развитие промышленности в ряде мест претерпело изменение, в экономических отношениях между предпринимателями и рабочими ничего не изменилось, — а эти отношения и является решающими. Так что подобные вещи затем выпадают из большого хода экономических событий с их идеологической надстройкой, и как раз континентальная блокада с её последствиями не доказывает ничего из того, что хочет доказать профессор Михельс.

Теперь вы спросите: почему такой человек, как профессор Михельс, настаивает на своей теории в противовес пролетарскому мышлению? — По той простой причине, что он влюблён в своё мышление, а также потому, что вжиться в пролетарское мышление он совершенно не в состоянии. Он засыпает. Это латентный сон. В тот момент, когда ему требуется продумать пролетарские мысли, он засыпает. Он только тогда в состоянии удержаться от сна, когда развивает мысли, в которые влюблён.

Так следует подходить к душевным вещам. Наша эпоха такова, что к душевным вещам следует относиться с величайшей серьёзностью, иначе не понять того, что необходимо в наше время; иначе в отношении трудных, трагических отношений современности будет невозможно прийти к каким-либо плодотворным суждениям. А ведь плодотворные суждения являются тем единственным, что способно вывести из нынешнего бедственного положения и что действительно из него выведет. В целом для пессимизма оснований нет; но есть много оснований изменить суждения. Вплоть до каждого отдельного случая существует более чем достаточно оснований изменить суждения.

Следует уже сказать: это весьма и весьма примечательно, когда видишь, как люди сегодня, словно во сне, высказывают суждения и как уже в следующий момент времени они забывают о предыдущем моменте, сколь бы короток ни был промежуток между ними. Сегодня нам доведётся особенно часто переживать, как люди будут забывать род своих прежних суждений, будут забывать, как они повсюду разглагольствовали о праве, о необходимости бороться против бесправия. И мы ещё не раз увидим, как многие разглагольствовавшие о праве через некоторое время забудут об этом, совершенно не видя, что для многих из них, говоривших о праве, всё дело сводится к простому вопросу о власти. Не стоит ставить им это в вину; но нужно ясно представлять себе, что когда разглагольствуют о праве, то нельзя упускать из виду, что у пустословов подобного рода всё дело сводится к завладению властью. Как было сказано, не следует ставить им это в вину, но нет ничего хорошего, когда утверждается тот, кто ещё сравнительно недавно постоянно болтал только о праве, праве, праве. Этому можно не удивляться. Но те, кто скандировал то же самое, кто также принимал участие в этом, будут удивлены, когда обнаружат, как поразительно изменилась картина! Они должны будут тогда осознать по меньшей мере то, насколько человек склонен строить свои суждения на иллюзиях, а не на действительности.

Социальный феномен Лекция №7 из GA 186

Берн, 12 декабря 1918 г.

Нынешнее время высказывает себя в достаточной мере отчётливо, чтобы мы имели возможность применить к его условиям и к жизни в это время именно те ощущения и взгляды, которые получаем из нашего духовнонаучного углубления. Более того, внешние отношения сегодняшнего времени не только говорят отчётливым языком, но этот язык в определённом смысле оправдан также и нашими духовнонаучными взглядами. Во многих наших рассуждениях мы исходили из основополагающего факта человеческого развития — из того факта, что это развитие осуществляется в ряде последовательных этапов, из которых наиболее значительный и близко стоящий к нам начался, как мы знаем, после великой атлантической катастрофы. К настоящему времени прошло четыре периода после этой катастрофы, и теперь мы живём в пятом постатлантическом периоде развития. Этот период развития, начавшийся в пятнадцатом столетии нашей христианской эры, мы называем эпохой души сознательной. В других культурных эпохах преимущественное развитие проходили иные силы человеческой души. В нашей культурной эпохе, последовавшей за греко-латинской эпохой и начавшейся в первой половине пятнадцатого столетия, человечество должно постепенно развить душу сознательную. В предыдущей же эпохе, начавшейся в восьмом дохристианском столетии и завершившейся в пятнадцатом столетии христианской эры, человечество посредством культуры развивало преимущественно душу рассудочную, или душу характера.

Нам нет необходимости вдаваться сейчас в характеристику этих эпох, но мы хотим обратить особое внимание на то, что является своеобразной чертой нашей эпохи, — эпохи, с начала которой прошло пока довольно мало столетий. Каждая такая эпоха длится в среднем чуть больше двух тысячелетий, и ещё многому предстоит свершиться в эпоху души сознательной. В эпоху души сознательной задача цивилизованного человечества заключается в том, чтобы человек полностью овладел собственным существом, встал на собственные ноги, чтобы многое, чрезвычайно многое из того, что в предыдущие эпохи чувствовали инстинктивно, о чём судили посредством инстинкта, было поднято в ясный свет сознания.

Не правда ли, многие трудности, с которыми мы сталкиваемся в нашу эпоху, и тот хаос, который нас окружает, — всё это тотчас же становится понятным, когда мы узнаём, что является задачей нашей эпохи, а именно: поднять инстинктивное в сознание. Ведь инстинктивное осуществляется в некотором роде само по себе; тогда как то, что должно совершаться осознанно, требует от человека внутреннего напряжения, требует прежде всего, чтобы он начал мыслить действительно всем своим существом. А этого человек боится. Это то, чего человек делать не любит: осознанно принимать участие в формировании мировых отношений. Кроме того, здесь есть один момент, относительно которого сегодня ещё во многом заблуждаются. Люди сегодня думают: «Ну да, мы ведь живём в эпоху развития мышления». — Они гордятся тем, что по сравнению с прежними временами сегодня думают больше. Но это-то и является заблуждением, иллюзией, — одной из множества иллюзий, в которых сегодня живёт человечество. То, чем люди так гордятся, постижение мыслей, происходит во многом инстинктивно. И лишь когда всё инстинктивное, вошедшее в человеческое развитие и ныне столь гордо заявляющее о себе как о мышлении, станет активным, когда интеллектуальное будет происходить не просто из мозга, а из всего человека, когда интеллектуальное станет лишь частью всей духовной жизни, когда оно поднимется над рациональным и возвысится до имажинативного, инспиративного и интуитивного, — только тогда сможет постепенно прийти к своей реализации то, что хочет осуществиться в пятой постатлантической эпохе, — эпохе души

сознательной. То, что сегодня выступает навстречу человеку, — уже предъявляя взгляду, что даже самые повседневные мысли в некоторой степени указывают на особое своеобразие этой эпохи, — это то, о чём приходится говорить раз за разом: появление так называемого социального вопроса.

Однако тот, кто серьёзно углубится в нашу антропософски ориентированную духовную науку, очень быстро сможет прийти к ощущению, что существенное в формировании общественного порядка — называют ли его государственным или как-либо ещё — должно исходить из того, что человек развивается из самого себя. Из того, что он может развить из самого себя, решая задачу построения отношений с другими. Конечно, всё, что человек развивает из себя, находится в соответствии с определёнными импульсами, в конечном счёте коренящимися в нашей душевно-духовной жизни. И если смотреть на дело таким образом, то можно спросить: не следует ли направить внимание прежде всего на социальные импульсы? На то, что в человеческой природе хочет проявиться как социальные импульсы? Назовем эти социальные импульсы, если хотите, социальными стремлениями, — не имея при этом в виду что-то чисто животное и помня о том, что стремление не должно мыслиться просто бессознательным или инстинктивным; оно должно мыслиться так, чтобы, говоря о социальных стремлениях, мы имели в виду: мы находимся в эпохе души сознательной, когда стремления должны подняться в сознание.

Если теперь имеет место нечто подобное: существуют социальные стремления, они хотят реализоваться, — то в наше время тут же выступает ужасная односторонность, на которую не следует сетовать, но которую следует спокойно рассмотреть, ибо она должна быть преодолена. В нашу эпоху человек крайне склонен рассматривать все вещи односторонне! Это похоже на то, как если бы хотели качнуть маятник в одну сторону, не думая о том, что он отклонится в другую сторону, пройдя точку равновесия. Но как невозможно, чтобы маятник отклонялся только в одну сторону, так же невозможно, чтобы социальные стремления в человеке выступали только в одном направлении. В человеке социальным стремлениям противостоят стремления антисоциальные — как нечто само собой разумеющееся, обусловленное самой человеческой природой. Точно так же, как в человеческой природе присутствуют социальные стремления, присутствуют в ней и стремления антисоциальные. Это следует иметь в виду прежде всего. Ибо социальные вожди и агитаторы предаются большой иллюзии, полагая, что им достаточно распространить определённые взгляды или обратиться с призывами к какому-либо классу людей, готовых или склонных развивать социальные стремления, если это является воззрением. Когда так действуют, то предаются иллюзии. Поскольку при этом не учитывают, что наравне с социальными всегда присутствуют и антисоциальные стремления. Поэтому сегодня речь идёт о способности без иллюзий смотреть в лицо подобным фактам. А без иллюзий смотреть им в лицо можно только с точки зрения духовнонаучного познания. Можно даже сказать так: человек просыпает самое существенное в жизни, если не рассматривает её с духовнонаучной точки зрения.

Мы должны спросить себя: как, собственно говоря, в контексте социальных и антисоциальных стремлений обстоят дела в сфере взаимоотношений между людьми? — Видите ли, когда один человек стоит перед другим, то в основе этого явления имеет место нечто действительно сложное! И этот факт нам следует принять во внимание, — я бы сказал, радикально. Естественно, предстояние одного человека другому может осуществляться по-разному, в зависимости от рода человеческих отношений, но мы должны выделить здесь общую черту. Мы должны спросить себя: что на самом деле происходит в целостной действительности, а не только в том, что предстаёт внешнечувственному восприятию? Что происходит в целостной действительности, когда один человек стоит перед другим? — Здесь происходит не что иное, как действие определённой силы, направленной от человека к человеку. Когда двое стоят друг перед другом, то это означает, что от одного к другому действует определённая сила. Совершая в жизни те или иные поступки, направленные на наших ближних, мы не мо-

жем равнодушно стоять друг перед другом, — как в отношении обычных мыслей, так и в отношении ощущений, даже в том случае, если пространственно мы разделены. Если придется как-то заботиться о другом человеке, если приходится каким-либо образом вступать в общение, то при этом от одного человека к другому действует сила. Это то, что лежит в основе социальной жизни. На самом деле это является тем, что, ветвясь и переплетаясь, создаёт основу социальной структуры в среде людей. Естественно, этот феномен выступает в наиболее чистом виде, когда мы рассматриваем непосредственное общение человека с человеком: там присутствует стремление к тому, чтобы впечатление, которое один человек производит на другого, действовало на этого другого усыпляюще. Это то, что насквозь пронизывает социальную жизнь: человек, общаясь с другим, им усыпляется. Здесь постоянно присутствует — как сказал бы физик — латентная тенденция взаимно усыплять друг друга в социальном общении.

Но почему это происходит? Видите ли, причина здесь кроется в одной очень важной особенности человеческого существа. Собственно, то, что мы называем социальными стремлениями, в случае обычного современного сознания развивается в душе человека лишь во время сна. Если вы не поднимаетесь до ясновидения, то социальные стремления понастоящему пронизывают вас только тогда, когда вы спите. И только то, что переходит из сна и продолжает действовать в бодрственной жизни, действует в ней как социальное стремление. Но если вы об этом знаете, то вам не придётся удивляться, что общаясь с людьми вы хотите их усыпить. В отношении человека к человеку должно развиваться социальное стремление. Но развиваться оно может только во сне. Поэтому в общении человека с человеком развивается тенденция ради создания социальных отношений усыплять друг друга. Это факт, который поражает. Однако он сразу и непосредственно предстаёт взору того, кто наблюдает жизненную действительность: наше межчеловеческое общение состоит в том, что ради образования между нами социального стремления в нём прежде всего усыпляется способность к формированию представлений.

Но вы, естественно, не можете, идя по жизни, в то же время беспрерывно спать. Тенденция же к формированию социальных стремлений состоит и выражается в том, что вам, собственно, следует постоянно иметь склонность ко сну. Вещи, которые я описываю, происходят, конечно, бессознательно, но от этого они не становятся менее действительными и не перестают пронизывать нашу жизнь.

В противовес этому действует нечто иное. Действует постоянное сопротивление, постоянное возмущение людей этой тенденцией именно тогда, когда они не спят. Так что, всякий раз, когда вы стоите перед человеком, вы пребываете в конфликте следующего рода: благодаря тому, что перед вами находится человек, в вас постоянно развивается тенденция ко сну, тенденция переживать к нему отношение во сне; благодаря же тому, что вы противитесь сну, не хотите погружаться в сон, в вас возбуждается сила оставаться бодрствующим. Так в общении человека с человеком постоянно разыгрываются подобные вещи: тенденция ко сну, тенденция к бодрствованию. Но тенденция оставаться бодрствующим в этом случае является антисоциальной, поскольку это есть утверждение собственной индивидуальности, собственной личности по отношению к социальной структуре общества. Действительно, когда мы как люди находимся среди других людей, наша внутренняя душевная жизнь колеблется между социальным и антисоциальным, подобно маятнику: туда и обратно. И то, что в качестве этих двух стремлений живёт в нас и что можно увидеть, наблюдая сверхчувственно двух стоящих друг перед другом собеседников, — в нашей жизни господствует. Когда мы встречаем какое-либо общественное установление — а в силу сверхинтеллектуальности современного сознания эти установления всё ещё очень далеки от реальности, — то оно обычно является выражением упомянутых маятниковобразных отношений между социальными и антисоциальными стремлениями. Политэкономы могут размышлять о том, что такое кредит, капитал, рента и т. д., — но все эти вещи, образующие закономерности социальных отношений, являются лишь

качаниями маятника между двумя указанными видами стремлений: социальных и антисоциальных.

Видите ли, тот, кто хочет найти целительные средства для нашего времени, должен разумно подойти к этим вещам, действительно научно обойтись с ними. Ибо откуда же могут прийти в наше время социальные требования? Ведь мы живем в эпоху души сознательной, когда человек должен опираться на самого себя. На что он здесь нацелен? Он нацелен на то, чтобы выполнять свою задачу, свою миссию в нашей пятой постатлантической эпохе, утверждать себя, не позволять себя усыплять. Самим положением во времени ему предназначено развивать антисоциальные стремления. И задача нашей эпохи не могла бы быть выполнена людьми, если бы именно антисоциальные стремления, благодаря которым человек достигает вершины своей собственной личности, не становились всё сильнее и сильнее. Человечество сегодня и не подозревает, какую силу ещё предстоит набрать антисоциальным стремлениям в ходе третьего тысячелетия. Антисоциальные стремления должны развиваться именно для того, чтобы человек правильно взрастал.

В предыдущие эпохи антисоциальные стремления не были «хлебом насущным» для духовного развития человечества. Не было нужды ни в каких противовесах, поэтому никто и не думал их создавать. В наше время, когда человек ради самого себя, ради своего отдельного «Я» должен развивать антисоциальные стремления — возникающие уже по той причине, что человек подчинён развитию, с которым не поспоришь, — в такое время должно прийти то, что только и может быть противопоставлено антисоциальным стремлениям: такая социальная структура, с помощью которой тенденции этого развития могут быть удержаны в равновесии. Во внутренней жизни вынуждены действовать антисоциальные стремления, чтобы человек мог достичь вершин своего развития; вовне, в общественной жизни, должна тогда действовать социальная структура, чтобы в жизненных взаимоотношениях люди не теряли друг друга. Отсюда в наше время и возникает социальное требование, которое в определённом смысле есть не что иное, как необходимый противовес внутренним тенденциям развития человечества.

В то же время вы можете увидеть из сказанного, что с помощью одностороннего рассмотрения невозможно достичь ничего. Ведь только подумайте: по мере того, как разворачивается жизнь людей, значение некоторых слов (я не хочу сейчас говорить об идеях или ощущениях) приобретает определённую окраску, определённый оттенок. Так, в связи со словом «антисоциальный» представляется нечто вызывающее антипатию, это рассматривают как что-то плохое. Пусть это так, но смотрят ли на это как на нечто плохое — безразлично, поскольку это есть нечто необходимое: в нашу эпоху именно это — будь оно плохим или хорошим — как раз и связано с необходимыми тенденциями человеческого развития. И если сегодня кто-то выступает и говорит, что нужно бороться с антисоциальными стремлениями, то это самая обычная бессмыслица, потому что бороться с ними невозможно. В наше время они должны, в связи с самой тенденцией развития человечества, захватить человека именно изнутри. Речь идёт не о том, чтобы найти рецепт борьбы с антисоциальными стремлениями, а о том, как государственное устройство, структуру, организацию того, что лежит вне человеческой индивидуальности, что не охватывает собой человеческую индивидуальность, так сформировать, так устроить, чтобы оно создавало противовес действующему внутри человека антисоциальному стремлению. Потому-то необходимо, чтобы в нашу эпоху человек — ради взаимного оздоровления — всем своим существом вычленился из социальной структуры.

В прошлые эпохи существовали сословия, существовали классы. Наша эпоха стремится выйти за пределы сословий, за пределы классов. Наша эпоха больше не может делить людей на классы; теперь необходимо рассматривать человека во всей его полноте, необходимо включить его в такую социальную структуру, которая социально расчленила бы только то,

что обособлено от человека. Поэтому вчера в открытой лекции⁶ я говорил, что в греко-латинскую эпоху ещё могло быть распространено рабство, и один мог быть господином, а другой — рабом, в ту эпоху люди были разделены. Как остаток от тех времён мы имеем как раз то, что приводит пролетария в особое волнение: что его рабочая сила является товаром, — и тогда то, что является его внутренним, оказывается организованным внешне. Это должно быть устранено. Социально расчленено может быть только то, что не привязано к человеку: место, на которое он поставлен, — но не то, что есть в нём самом.

Таким образом, всё, что человек узнаёт о необходимом развитии социальной жизни, должно ныне восприниматься так, чтобы стало ясно: как не смеет притязать на знание счёта тот, кто не владеет таблицей умножения, так не следует притязать на проведение социальных реформ и тому, кто никогда не слышал о вещах, подобных обсуждаемому нами сегодня — например, что социальность и антисоциальность сосуществуют именно таким образом, как мы это сейчас конкретно охарактеризовали. Когда занимающие важнейшие позиции в государственных или социальных организациях начинают сегодня говорить о социальных требованиях, то для человека знающего они выглядят людьми, собирающимися построить мост через бурный поток и при этом не имеющими ни малейшего понятия хотя бы о параллелограмме сил! Они, конечно, могут построить мост, эти люди, но он рухнет при первой же возможности. Так, нам встречаются социальные вожди или люди, пекущиеся сегодня о тех или иных социальных формах: их построения при первом же подходящем случае обнаруживают себя как невозможные, ибо нужны вещи, позволяющие работать совместно с действительностью, а не против неё. Так что бесконечно важно, чтобы однажды начали, наконец, серьёзно обращаться с вещами, которые составляют, я бы сказал, главный нерв нашей антропософски ориентированной духовной науки.

Один из импульсов, воодушевляющих нас в сфере нашего антропософского движения, состоит в том, что мы в том или ином виде вносим во всю человеческую жизнь то, что большинство людей считают относящимся лишь к поре ранней юности: даже будучи уже в преклонном возрасте, мы по-прежнему садимся на школьную скамью — в школе жизни, разумеется. И в этом заключается одно из отличий от тех, кто полагает, что если они систематически бездельничали до двадцати пяти, двадцати шести лет — нет, я хочу сказать, систематически посещали лекции, точнее, даже штудировали лекции, — то этого хватит на всю оставшуюся жизнь! Ведь, не правда ли, после этого остаётся заниматься лишь более изощёренным саморазвлечением или чем-то подобным, чтобы через тот или иной опыт усвоить что-нибудь ещё. Но то, что как основное ощущение выступает перед нашей душой, когда мы приближаемся к главному нерву духовнонаучного движения, заключается в следующем: человек должен учиться в течение всей жизни, если он действительно хочет соответствовать задачам этой жизни. Чрезвычайно важно, чтобы мы прониклись этим ощущением. Пока не будет покончено с верой в то, что с помощью задатков, развиваемых к двадцати или двадцати пяти годам, возможно овладеть абсолютно всем, так что тогда достаточно лишь собраться в парламенте или ещё где-либо и принять все необходимые решения, — пока не будет покончено с подобным воззрением, с подобным ощущением, что-либо благотворное в социальной структуре общества возникнуть не сможет.

Изучение изменяющегося соотношения между социальным и антисоциальным является исключительно важной задачей именно для нашего времени. При этом антисоциальное мы можем только изучать, поскольку оно, как я уже указывал, в развитии нашей эпохи находится на своём месте, ибо принадлежит к тому важнейшему, что должно приобрести большое значение, что должно развиваться в нас самих. Это антисоциальное может быть лишь удержано в определённом равновесии социальным; но вот о социальном — необходимо заботиться, и заботиться сознательно. А это в наше время будет делать всё труднее, поскольку противо-

⁶ Лекция в Берне 11 декабря 1918 года «Нравственная, социальная и религиозная жизнь с точки зрения антропософии» (GA 72). — *Прим. ред. нем. изд.*

положное, антисоциальное, является, в сущности, естественным. Социальное же является необходимостью такого рода, что о ней нужно специально заботиться. Со временем станет видно, что в нашу пятую постатлантическую эпоху существует тенденция оставлять без внимания именно социальное, — когда просто замыкаются в самих себе, когда гаснет активность, когда отсутствует стремление с участием относиться к другому человеку и его душевной жизни. Но что является необходимым, что должно быть выработано совершенно сознательно, поскольку прежде оно действовало в нас инстинктивно, — это как раз интерес человека к человеку. Главный нерв всей социальной жизни — это интерес одного человека к другому человеку.

Сегодня это звучит почти парадоксально, когда говорится, что с помощью так называемых сложных политэкономических понятий ничего не удастся объяснить людям, если не будет возрастать интерес человека к человеку, если люди не начнут связывать с действительностью господствующие в социальной жизни иллюзорные образования.

Кто, например, задумывается сегодня о том, что уже благодаря разделённости, в которой он пребывает в социальной среде, он постоянно включён в сложные межчеловеческие отношения? Предположим, у вас в кармане есть стофранковая банкнота и вы используете её, зайдя утром в магазин и купив столько товаров, что на их оплату она уходит целиком. Да, так что же это значит, что утром вы выходите из дома со стофранковой банкнотой в кармане? Ведь на самом деле стофранковая банкнота — вещь иллюзорная, которая в действительности не является ценностью, — и она не была бы ею даже в том случае, если бы это были металлические деньги. Я сегодня совершенно не хочу говорить о металлистах и номиналистах в области теории денег; но даже в случае металлических денег речь на самом деле идёт об иллюзорной вещи, которая не является какой-либо ценностью. Ведь деньги — это то, что опосредует связь других вещей; и только благодаря тому, что существует определённый социальный строй — в наше время это чисто государственный строй, — благодаря ему стофранковая банкнота, которая у вас есть и которую вы тратите утром на покупку различных вещей, представляет собой не что иное, как эквивалент ценности определённого числа рабочих дней определённого количества людей. Таким образом, определённое количество работы должно влиться в социальную среду, кристаллизироваться в товары, чтобы иллюзорная ценность банкноты приобрела действительную ценность — но лишь согласно требованию социального строя. Банкнота даёт вам власть поставить себе на службу определённое количество работы, то есть определённым количеством работы вы можете распоряжаться. Представьте себе мысленно следующую картину: вот у меня есть банкнота, она даёт мне силу той социальной позиции, на которой я нахожусь, даёт власть над определённым количеством работников. И когда теперь вы увидите, что ежечасно в течение дня другие продают труд этих работников как ценность, как реальную ценность, эквивалент которой вы носите в вашем кошельке в виде стофранковой банкноты, — только тогда вы получите подлинную картину действительности.

Наши отношения стали настолько сложными, что мы совершенно не обращаем внимания на подобные вещи, особенно когда они не совсем очевидны. Приведённый только что пример понять довольно легко. Но когда речь заходит о более сложных понятиях политэкономии, таких как капитал, рента, кредит, где всё устроено крайне сложно, то в этом не могут разобраться даже университетские профессора, для которых политэкономия является специальностью и долгом которых было бы быть более осведомлёнными в своей науке. Уже из этого вы можете заключить, насколько необходимо, чтобы эти вещи были увидены в правильном свете. Конечно, мы не можем прямо сейчас заняться реформой политэкономии, которая благодаря тому, что изучают сегодня студенты в области этой дисциплины, приведена в состояние беспомощности. Но мы по меньшей мере можем задать себе вопрос в отношении педагогики, народного образования: что нужно сделать, чтобы социальная жизнь могла быть сознательно противопоставлена внутренней антисоциальной жизни? Что для это-

го необходимо? Я говорил, что в наше время трудно найти подлинный интерес у одного человека к другому человеку. Вы не можете иметь настоящего интереса, когда полагаете, что можете купить нечто с помощью стофранковой банкноты и при этом не думать о том, что тем самым устанавливаете социальное отношение с определённым количеством людей и их рабочей силой. Настоящий интерес у вас появится только тогда, когда за каждым таким иллюзорным действием, как обмен товаров на стофранковую банкноту, вы сможете увидеть связанное с ним действие реальное.

Видите ли, обыкновенные, я бы сказал, эгоистические, греющие сердце пустые разговоры о любви к ближним и о её проявлениях к социальной жизни не относятся. Эта любовь по большей части оказывается чудовищно эгоистичной. Очень часто люди из тех средств, что они сперва, можно сказать, захватили, помогают затем — на патриархальный манер — своим ближним, создавая себе объект для самолюбования, поскольку тогда можно внутренне очень сильно согреться мыслью: «Ты делаешь то, ты делаешь это!» Часто не замечают, сколь значительная часть так называемой бескорыстной любви является замаскированной любовью к самому себе.

Дело заключается не в том, чтобы просто сосредоточиться на ближайшем, в действительности потакая тем самым своему самолюбию, а в том, чтобы почувствовать себя обязанным направить внимание на многообразно разветвлённую социальную структуру, внутри которой мы живём. Для этого необходимо сначала создать основания. Но создавать эти основания сегодня склонны очень немногие.

Я бы хотел, по меньшей мере с точки зрения народного образования, обсудить один вопрос, а именно: как можем мы сознательно противопоставить стремления социальные — стремлениям антисоциальным, развивающимся естественным образом? Как можем мы культивировать их таким образом, чтобы эти социальные стремления укоренились в нас и развивались всё больше, чтобы мы теряли покой, когда отсутствует интерес к другому человеку, — интерес, который катастрофически исчезает именно в нашу эпоху души сознательной? Ведь в нашу эпоху между людьми разверзаются целые пропасти! Не имея относительно этого никакого сознания, один человек проходит мимо другого, — без какого бы то ни было понимания. Стремление обратить внимание на другого человека, на его особые, неповторимые качества, сегодня встречается крайне редко. Мы имеем, с одной стороны, вопли о социальной, а с другой — всё шире распространяющиеся сугубо антисоциальные стремления. Насколько слепо проходят сегодня люди друг мимо друга, особенно хорошо видно, когда они объединяются в различные общества и кооперации. В наше время эти объединения, как правило, ничего не могут дать в смысле понимания человека. Сегодня люди могут годами общаться, и при этом знать друг о друге не более того, что стало известно при первом знакомстве.

Прежде всего необходимо, чтобы в будущем к антисоциальному систематически присоединялось социальное. Внутренне-душевно для этого существуют различные средства, и одно из них — когда мы стремимся чаще оглядываться на свою собственную прожитую жизнь, на текущую инкарнацию, когда мы пытаемся обозреть то, что разыгрывалось между нами и теми людьми, которых мы встретили на жизненном пути. И, будучи честны перед собой, мы — по крайней мере, многие из нас — можем сказать себе: вхождение людей в нашу жизнь мы по большей части рассматриваем сегодня так, что в центр этого рассмотрения ставим свою собственную персону. Что получил я от того или иного встреченного мной в жизни человека? — так спрашиваем мы себя вполне отчётливо. Но это как раз то, с чем мы должны бороться в себе. Нужно постараться провести перед своей душой образы тех людей, которые как учителя, друзья и другие благодетели приняли участие в нашей жизни, а также образы тех, кто вредил нам и кому мы в определённом отношении порой оказывается более ответственными, чем тем людям, которые нам помогали. Этим образом мы должны дать пройти перед нашей душой, дабы составить живое представление о том, что каждый из встреченных лю-

дей сделал для нас. И, проделав это, мы увидим, что постепенно обретаем способность забывать себя; мы обнаружим, что на самом деле почти всего, что имеем, в нас не было бы, если бы те или иные люди тем или иным способом не приняли участия в нашей жизни. Только тогда — особенно когда мы оглянемся на давно прошедшие годы и на людей, с которыми, быть может, уже не имеем никаких отношений, и потому нам легче прийти здесь к объективности, — только тогда нам откроется, как душевная субстанция нашей жизни пропитывается тем, что оказывает на нас влияние. Расширится наш взгляд на всех тех, кто в разное время прошёл через нашу жизнь. Если мы попытаемся развить в себе чувство того, насколько должны быть благодарны тем или иным людям, если попытаемся таким образом увидеть себя в зеркале тех, кто в ходе жизни воздействовал на нас, кто был связан с нами, тогда мало-помалу мы сможем пережить, как в нас рождается следующее чувство: поскольку мы упражнялись в поиске образов людей, связанных с нами в прошлом, то в нашей душе рождается стремление приходить внутри себя к образам также и по отношению к тем, с кем мы встречаемся в настоящем, с кем стоим друг перед другом в настоящее время. И бесконечно важно, чтобы при встрече с человеком в нас пробуждалось не просто стремление испытывать симпатию или антипатию, стремление что-то в человеке любить или ненавидеть, но чтобы мы стремились пробудить в себе образ человека, освобождённый от нашей любви и ненависти.

Быть может, вы не почувствуете, что то, что я сейчас говорю, представляет собою нечто чрезвычайно важное. Однако оно именно таково. Ибо способность вызвать образ другого человека, свободный от любви и ненависти, дать другому человеку душевно в себе воскреснуть — это способность, которая с каждой неделей человеческого развития, я бы сказал, всё больше исчезает, это то, что постепенно совершенно утрачивается людьми: они проходят друг мимо друга, и в них не пробуждается стремление к тому, чтобы другой человек ожил в их душе. А это нечто такое, о чём следует сознательно позаботиться. Это то, что должно войти также в детскую и школьную педагогику: развитие в человеке имажинативных способностей. Ибо только тогда станет возможным действительно развить в человеке имажинативные способности, когда мы не побоимся отдаться в тиши такому обзору прошлого, который вызовет перед нашей душой пережитые отношения с людьми, а вовсе не то, что сегодня хочет переживаться как сенсация. Тогда мы станем способными через имажинацию построить отношения и с теми, кого встречаем в настоящем. Тогда мы противопоставим тому, что с абсолютной необходимостью и вместе с тем бессознательно развивается всё больше, то есть антисоциальному стремлению — стремление социальное. И это есть первое.

Вторым же является то, что может быть соединено с этим ретроспективным обзором отношений с людьми, а именно: стремление становиться всё объективнее по отношению к себе самому. Для этого мы должны снова обратиться к прошедшим временам. Но здесь мы можем обратиться, я бы сказал, непосредственно к самим фактам. Например, если вам тридцать или сорок лет, можно спросить себя: как обстояли дела, когда мне было десять лет? Я хочу прежде всего представить себя целиком внутри ситуации, я хочу представить себя таким образом, словно представляю другого десятилетнего мальчика или другую десятилетнюю девочку; я хочу на время забыть, что это был я, хочу постараться действительно себя объективировать. Это объективирование самого себя, этот отрыв нашего настоящего от нашего прошлого, этот выход «Я» из скорлупы собственных переживаний — вот то, к чему мы должны особенно стремиться в настоящее время. Ибо ныне существует тенденция связывать своё «Я» с переживаниями всё большее и больше. Сегодня совершенно инстинктивно человек стремится быть тем, что дают ему его переживания. Потому-то так трудно достичь активности, о которой идёт речь в духовной науке. Здесь нужно каждый раз заново напрягать дух, здесь невозможно успокоиться на достигнутом. И вы действительно можете увидеть: если пытаться, удобно устроившись, оставаться при достигнутом, то в духовной науке с этим ничего не добьёшься. Узнанное забывается, и нужно снова и снова заботиться о нём; но это-то как раз и хорошо, это-то как раз и правильно, что приходится постоянно прилагать новые

усилия. Ведь тот, кто правильно развивается в области духовной науки, старается каждый день проводить перед своим взором самые элементарные вещи; другие же стыдятся это делать. В духовной науке никогда не идёт речь об усвоении чего бы то ни было на основе памяти, поскольку здесь необходимо воспринимать вещи в непосредственном переживании настоящего. Так что дело заключается в том, чтобы развить именно эту способность путём объективирования самого себя, чтобы мы так представляли того десятилетнего мальчика или ту десятилетнюю девочку, словно это незнакомое нам существо из прошедшего периода жизни, чтобы мы всё больше стремились освободиться от переживаний, чтобы это всё меньше были мы в своём нынешнем возрасте, чтобы мы действительно давали предстать лишь импульсам того десятилетнего мальчика или той десятилетней девочки. Освободиться от своего прошлого — не значит отречься от него, мы снова обретаем его иным способом. Однако это то, что является невероятно важным. Каждый из нас сознательно способствует развитию социальных стремлений, социальных импульсов, когда, с одной стороны, создаёт имажинации по отношению к людям, окружающим его в настоящем, — благодаря тому, что смотрит на тех, с кем был связан в прошлом, и с душевной точки зрения рассматривает себя самого как того, кто был «сделан» этими людьми. А с другой стороны, через объективирование мы приобретаем способность развивать имажинацию непосредственно самих себя. Это объективирование прошлого полезно тогда, когда не происходит в нас бессознательно. Вы только подумайте: когда в вас продолжает бессознательно действовать десятилетний мальчик или десятилетняя девочка, то вы представляете собой тридцати- или сорокалетнего человека, умноженного на десятилетнего; но вы, кроме того, умножены ещё на одиннадцати-, двенадцатилетнего и т. д. Эгоизм возводится в колоссальную степень. Но он постепенно становится всё меньше, когда вы отделяете от себя прошлое, когда вы объективируете его, делаете больше вещью, объектом. В этом заключается то значительное, что мы должны иметь в виду.

Таким образом, основополагающей предпосылкой является следующее (и это нужно сделать сегодня как можно более понятным для тех народов, которые, не поняв сути вещей, выдвигают социальные требования иллюзорного толка): необходимо развить понимание того, как человеку сделать себя социально действующим существом в эпоху, когда в человеческой природе должны возрасть как раз антисоциальные стремления.

Что этим будет достигнуто? Вы поймете всё значение того, что я здесь излагаю, если обдумаете следующее. Дело в том, что в 1848 году появился один весьма действенный документ, продолжающий действовать и поныне в самом радикальном социализме — в большевизме. Этим документом является «Коммунистический манифест» Карла Маркса, в котором соединено всё, что так или иначе царит в головах и в сердцах пролетариев. Карлу Марксу удалось завоевать пролетарский мир по той простой причине, что он высказал нечто, что было понятно пролетарию, о чём пролетарий думал в силу занимаемого им положения. Этот «Коммунистический манифест», содержание которого я не нахожу нужным излагать, появился в 1848 году. Это был первый документ, совершивший посев, плоды которого мы ныне, когда уничтожены все противостоящие тому факторы, видим уже созревшими. Этот документ содержит одну фразу, одно предложение, которое вы теперь можете встретить процитированным почти в каждой социалистической газете: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот призыв проходит через все, какие только существуют, социалистические объединения: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Что же он выражает? Он выражает самое противоестественное, что только может быть придумано в нашу эпоху. Он выражает импульс к социализации, к объединению определённых человеческих масс; но — на чём же должно строиться это объединение, эта социализация? На противопоставлении! На ненависти к тем, кто не является пролетариями. Социализация, совместная жизнь людей, должна быть построена на разделении! Нужно только обдумать это, нужно проследить реальность этого принципа в том, что сегодня как настоящая иллюзия, — когда мне приходится пользо-

ваться этим выражением, вы должны верно его понять, — выступило сначала в России, а сейчас уже и в Германии, в австрийских землях, и продолжает поглощать всё большие и большие территории. Это является противоестественным потому, что, с одной стороны, выражается необходимость социализации, а с другой стороны, эта социализация возводится на антисоциальных инстинктах, а именно на классовой ненависти, классовом противопоставлении.

Подобные вещи следует рассматривать только в более высоком свете, иначе далеко не уйти; иначе отсюда, где мы находимся, не перейти к целительному воздействию на ход человеческого развития. И сегодня нет иного средства, кроме духовной науки, чтобы всеобъемлюще увидеть эти вещи, что означает также: понять своё время. Так же, как страшатся сегодня подступать к тому, что лежит в основе физического человека в качестве духа и души, так же страшатся — ибо действительно охвачены страхом и малодушием — подступать к тому, что в социальной жизни постижимо лишь при помощи духа. Люди в страхе отшатываются, завязывают себе глаза, подобно страусам прячут голову в песок перед лицом таких абсолютно реальных, значительных вещей, какова, например, следующая: когда два человека стоят друг перед другом, то постоянно происходит так, что один из них стремится усыпить другого, а другой старается устоять и остаться бодрствующим. Однако именно это и является, выражаясь в духе Гёте, *прафеноменом социальной науки*⁷. Но это явление находится за пределами того, что может быть познано чисто материалистическим мышлением; постичь его можно только тогда, когда знаешь, что человек в своей жизни погружается в сон не только тогда, когда лежит в кровати и, сладко посапывая, часами спит, но что и в так называемой бодрственной жизни постоянно проявляется тенденция ко сну, что на самом деле те же самые силы, что утром нас пробуждают, а вечером вводят в сон, постоянно действуют и в ходе обычной дневной жизни и своим действием принимают участие в творении социального и антисоциального. Из любых размышлений о социальном устройстве, из любых установлений ничего не может получиться, если не стремиться действительно принимать во внимание эти вещи.

Исходя из этой точки зрения нельзя оставаться слепым перед лицом того, что распространяется по всему миру, — наоборот: нужно обратить свой взор на то, что охватывает Землю. Сегодняшний социалист, как он думает? Он думает, что достаточно выдумать социальные максимы, социалистические максимы, или обратиться к людям всех стран Земли с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и тогда станет возможно по всей Земле интернационально установить, как сегодня говорят, некий род рая.

Но это одна из величайших, и притом губительнейших, иллюзий! Люди не являются некими абстрактными единицами, они — конкретные люди. И в основе здесь лежит то, что каждый человек является индивидуальностью. Это я пытался показать в моей «Философии свободы» — в противоположность нивелирующим кантианству и социализму. Но в то же время люди на Земле дифференцированы по группам. И одну из этих дифференциаций мы хотим обсудить, чтобы увидеть, что нельзя просто сказать: ты начинаешь на Западе и двигаешься далее через Восток, устанавливая по всей Земле определённый социальный порядок, пока снова не окажешься в исходной точке. Как совершали кругосветные путешествия в прежние времена, так хотят сегодня распространить социализм по всей Земле, рассматривая её при этом как шар, — так что, начав на Западе, можно затем дойти до Востока. Но люди на Земле не одинаковы, они дифференцированы, и в этой дифференциации, в свою очередь, живёт импульс развития, или — если мне будет позволено использовать это выражение — двигатель прогресса. Таким образом, можно увидеть, что в наше время всё настроено на то, чтобы совершенно особенным образом выступила душа сознательная. Я хочу сказать, что через свою кровь, через свои врождённые задатки, через свои унаследованные задатки в на-

⁷ Выделено переводчиком.

шу эпоху только представители англоговорящих народов в действительности предрасположены к тому, чтобы человечеству напечатлевалась душа сознательная. Такова дифференциация в среде людей. Люди англоговорящих народов сегодня особенно предрасположены к выработке души сознательной, так что в определённом смысле они являются представителями человечества пятой постатлантической эпохи; они для этого подготовлены.

Люди Востока как представители человечества должны по-иному способствовать всеобщему развитию. Люди Востока, уже начиная с русского народа, а затем и более отдалённые азиатские народы, которые будут играть дополняющую роль, сейчас дают отпор, сопротивляются внутри себя инстинктивному, само собой разумеющемуся развитию души сознательной. Люди Востока не хотят интеллект — являющийся в наше время главной душевной способностью — смешивать с переживаниями; они хотят отделить эту способность, сохранив её для последующих времён, для шестой постатлантической эпохи, в которой должно произойти последующее соединение, — но не с тем человеком, каков он сегодня, а с самодухом, который к тому времени разовьётся. Таким образом, в то время как характерная для нашей эпохи сила вследствие эволюционного развития исходит с Запада и с особой силой может культивироваться именно англоговорящими народами, народы Востока — я не имею в виду отдельных представителей, которые, будучи индивидуальностями, всегда выделяются из среды своего народа, я говорю о народе как о целом — предрасположены как раз не давать возникнуть в своих душевных силах тому, что является характерным для настоящей эпохи, дабы в них мог развиваться зародыш того, что станет играть определяющую роль только в следующей эпохе, которая начнётся в четвёртом тысячелетии. Это то, что является закономерностью человеческой жизни и человеческого существа. Когда дело касается природы, то здесь, например, не удивляются тому, что невозможно зажечь лёд, поскольку имеется определённая закономерность. Но в отношении социальной структуры человечества полагают, что, например, в России она может возникнуть на том же социальном основании, что и в Англии или Шотландии, или даже в Америке. Но это невозможно; ибо мир организован закономерно, — и не так, чтобы повсюду в нём можно было произвольно делать всё что угодно. Это нужно иметь в виду.

А в Центральной Европе сейчас как раз срединное состояние. Здесь дело обстоит так, что человек находится в лабильном равновесии по отношению как к одной, так и к другой стороне. Таким образом, человечество на Земле разделено на три части. Вы не можете сказать «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», поскольку пролетарии так же тройко дифференцированы. Человечество Земли трёхчленно.

Если мы обратим взгляд на население Запада, то найдём здесь в среде тех, кто говорит на английском языке, — речь идёт о народе, отдельные представители могут сильно отличаться, — одну особую способность, особую склонность, особую миссию — развивать душу сознательную. Это означает: в эпоху души сознательной не расчленять характерные душевные свойства, но выработку интеллекта, саму сущность интеллекта связывать с переживаниями. Разумеется, на этом инстинктивном — я бы даже сказал, импульсивном — стремлении поставить себя в мире как людей души сознательной основан весь размах распространения Британской империи! В этом и заключается прафеномен расширения Британской империи: покоящееся в задатках живущих в ней людей совпадает с внутреннейшим импульсом настоящей эпохи. Вы знаете, что существенное обо всём этом было уже сказано в моём цикле лекций о европейских народных душах⁸; в том цикле, прочитанном задолго до войны, всё это уже содержится, — на самом деле это важнейший материал для выработки объективного суждения о нынешней военной катастрофе.

Именно эта предрасположенность, связанная с развитием души сознательной, определяет существование в среде англоговорящих народов особой склонности к политической жизни.

⁸ Цикл лекций «Миссия душ различных народов в связи с северо-германской мифологией» (GA 121), прочитанный в Осло в июне 1910 года. — *Прим. ред. нем. изд.*

Можно изучить, как политический метод разделения обществ и структур распространился из Англии по всему миру, вплоть до тех стран, где отдельные вещи остались от времён ещё более древних, чем четвёртая постатлантическая эпоха, — сохранившись в том виде, какими они были на момент отставания, — вплоть до венгерского деления на комитаты⁹ во главе с местными руководителями. Так что вплоть до таких туранских народных включений в Европе распространилось политическое мышление англичан, поскольку только из этой крови может прийти политическое мышление пятой постатлантической эпохи. Эти люди особенно предрасположены к политике. И выносить оценочное суждение об этих вещах бесполезно — здесь всё решает необходимость. Кому-то это может нравиться, кому-то — нет, но это личное дело. В мировых делах всё решают объективные необходимости. И очень важно эти объективные необходимости именно сегодня, в эпоху души сознательной, проводить перед своим взором.

Гёте в своей «Сказке о зелёной змее и прекрасной Лилии» выразил имеющиеся в человеческой душе силы в виде троичности: власть; блистательная проявленность; мудрость, познание. Медный король; серебряный король; золотой король. В этой сказке, если говорить о соотношениях в господстве, удивительным образом выражено многое из того, что готовится сегодня и что в дальнейшем разовьётся ещё сильнее. Таким образом, нужно сказать, что выраженное Гёте символически в образе медного короля, носителя импульса власти, ныне распространяется по всей земле через народы, говорящие на английском языке. По причине совпадения культуры души сознательной с особыми задатками британских и американских народов это является необходимостью.

Видите ли, в центральноевропейских странах, где ныне царит хаос, имеет место неустойчивое равновесие между склонностью интеллекта к душе сознательной и желанием отделиться от неё; поэтому перевешивает то одно, то другое. Так что здесь имеет место совершенно другая тенденция. Вся Центральная Европа не предрасположена к политике. Если же она хочет заниматься политикой, то будет иметь место сильная тенденция выпасть из существующей реальности, — тогда как политическое мышление англо-американских народов укоренено в душах их представителей, покоясь на прочном основании. В Центральной Европе господствует вторая из душевных сил: блистательная проявленность. И центральноевропейские страны приводят интеллектуальность к проявлению с особым блеском. Сравните с этим то, что исходит от англоговорящих народов в отношении мыслей: у них мысли прочно связаны с земной реальностью. Возьмите блестящие творения немецкого духа, и вы увидите, что мысли здесь принимают скорее эстетический облик, — даже в тех случаях, когда это эстетическое выступает в логической форме. В том, как одна мысль переводится в другую, заключено нечто особенно выдающееся, поскольку тогда то, что имеет особые задатки, выступает в диалектике, в эстетической проработке мыслей. Если затем хотят применить это к земной реальности, и при этом ещё заниматься политикой, тогда очень легко могут оказаться на ложном пути, впад в так называемый мечтательный идеализм, — когда, например, хотят основать единое государство, когда десятилетиями мечтают о едином государстве, а затем основывают его на силе, впадая тем самым из одной крайности в другую. Ещё нигде в политической жизни не встречались две такие противоположности, как немецкие мечты о единстве 1848 года и то, что затем было основано в 1871 году¹⁰. Здесь вы видите колебание, маятникообразное колебание того, что на самом деле стремится выразить себя эстетически и что становится неистинным, иллюзорным, призрачным образованием, когда хочет встать на почву политики. Ибо здесь нет никаких задатков к политике; и когда начинают политизировать, то впадают в мечтания или лгут. Об этом следует говорить без симпатии и антипатии, говорить не ради того, чтобы кого-то обвинять или оправдывать, но это должно быть выска-

⁹ Комитат (лат. *comitatus* — компания, группа) — историческая административно-территориальная единица Венгерского королевства. Такое деление просуществовало с десятого века до 1918 года.

¹⁰ Имеется в виду образование в 1871 году Германской империи, просуществовавшей затем до 1918 года.

зано именно потому, что, с одной стороны, соответствуют необходимости, а с другой — трагизму времени. Таковы вещи, которые необходимо иметь в виду.

А теперь обратим наш взор на Восток, — на то, что готовится там. Там дело заходит так далеко, что, выражаясь радикально, можно сказать: если немец хочет заниматься политикой, он впадает в мечтания, в идеализм (если всё идёт хорошо — то в прекрасный идеализм, если плохо — в неистинность); русский же, желая стать политиком, вообще заболевает или даже может умереть, становясь политиком. Он настолько к этому не предрасположен, что может стать больным и даже умереть. Это сказано несколько радикально, но суть именно такова. В русской народной душе нет ничего, что было бы внутренне родственно политическому строю, коренящемуся в английской или в американской народной душе. Но зато Восток предрасположен к тому, чтобы перенести интеллект, вырываемый им из естественной связи с переживаниями, в будущую эпоху самодуха.

Таким образом, необходимо знать, как дифференцируются задатки людей на Земле. И это находит своё выражение вплоть до самых значительных переживаний. Из различных предыдущих рассмотрений вы знаете о том, что называется встречей со Стражем Порога в высшем сверхчувственном переживании¹¹. Эти встречи со Стражем Порога также происходят по-разному. Естественно, если посвящение, инициация происходит совершенно независимо от связи с каким-либо народом, то и встреча со Стражем Порога носит общечеловеческий характер. Если же посвящение осуществляется односторонними людьми или обществами и происходит через связь с тем или иным народом, то в зависимости от этого дифференцированы и переживания от встречи со Стражем Порога.

Возьмём человека из среды народа, говорящего по-английски. Если его иницируют не высшие духи, которые являются ведущими, но дух народа, то он бывает преимущественно предрасположен к тому, чтобы приводить с собой к Порогу тех духовных существ, что постоянно окружают нас с этом мире как ариманические духи, которые сопровождают нас, когда мы подходим к Порогу сверхчувственного мира, и которых — в случае если они развили по отношению к нам некоторого рода склонность — мы можем взять с собой. И тогда они приводят нас прежде всего к созерцанию сил болезни и смерти. Так что от большинства посвящённых в сверхчувственные тайны в англо-американских странах, от тех, кто достиг Порога, вы можете услышать, что важнейшим переживанием познания сверхчувственных миров для них является прежде всего встреча с выражающими болезнь и смерть силами, которые постигаются как нечто, стоящее вне человека.

Теперь обратимся к Центральной Европе. Если и здесь при инициации действует народный дух, если посвящаемый не восходит от национального к общечеловеческому, то первое значительное событие, с которым он сталкивается в сверхчувственном, — это борьба, происходящая между определёнными существами, принадлежащими только к духовному миру, находящимися по ту сторону потока, и другими существами, присутствующими здесь, в физическом мире, по эту сторону потока, но не видимыми для обычного сознания. Там имеет место непрерывная борьба. И прежде всего эту борьбу видит человек Центральной Европы. Эта борьба царит на Пороге вследствие того, что люди стран Центральной Европы, если они являются серьёзными искателями истины, особенно пропитаны силами сомнения. Они знакомятся со всем тем, что является силами сомнения, силами многосторонности. В западных регионах человек гораздо более склонен довольствоваться одноплановой истиной; в Центральной Европе вместе с одной стороной дела тотчас является другая его сторона. Вследствие этого человек, пребывающий в поисках истины, попадает в неустойчивое положение: каждая вещь оказывается имеющей две стороны. Человек Центральной Европы является филистером, когда склоняется к однозначным, односторонним утверждениям. Но отсюда рождаются и все те трагические страдания, которые приходится испытывать на Пороге. Нужно

¹¹ Подробнее об этом переживании см., например, в книгах Рудольфа Штайнера «Как достигают познаний высших миров» (GA 10) и «Порог духовного мира» (GA 17).

быть внимательным к тому, как эта борьба, происходящая на Пороге между духами, принадлежащими только к духовной жизни, и духами, принадлежащими к чувственному миру, обуславливает всё то, что вызывает во внутреннем человека сомнения, колебания в отношении истины, обуславливает необходимость сперва воспитать себя для истины и не поддаваться общепринятым импульсам в отношении неё.

Если же вы обратитесь к странам, лежащим к востоку от Центральной Европы, то в тех случаях, когда дух народа является там «крёстным отцом» посвящаемого, когда человек приводится на Порог духом народа как крёстным отцом, он, если принадлежит к восточным народам, видит прежде всего духов, действующих в человеческом себялюбии. Он видит всё то, что в человеке может дать побуждение к себялюбию. Житель западных стран, вступая на Порог, видит всё это не в первую очередь. Прежде всего он видит духов, которые как болезнь и смерть (в широком смысле слова), как парализующие, разрушающие, тянущие вниз силы вторгаются в мир и в среду человечества. Приходящий к посвящению на Востоке сначала видит на Пороге всё то, что подступает к человеку с целью склонить его к себялюбию.

Поэтому на Западе идеалом, проистекающим из посвящения, является прежде всего следующее: сделать людей здоровыми, поддерживать здоровье, способствовать тому, чтобы у всех людей были внешние условия для развития с точки зрения здоровья. На Востоке же прежде всего возникает — даже из инстинктивного, из только лишь религиозного знакомства с вопросом посвящения — стремление чувствовать себя малым, незначительным по сравнению с возвышенным могуществом духовного мира. Ибо эти могущественные силы являются тем, что прежде всего выступает из духовного мира навстречу посвящаемому. Внимание человека Востока в первую очередь обращается на возвышенность духовного мира, на необходимость излечиться от себялюбия, искоренить себялюбие, поскольку ему предстаёт вся опасность этого явления. На Востоке это выражается даже во внешних проявлениях народного характера. И многое из того, что западному человеку представляется несимпатичным в восточном народном характере, проистекает именно из этого опыта на Пороге.

Именно таким образом дифференцированы человеческие свойства, если мы посмотрим на внутреннее развитие, на внутренний облик духовно-душевного в человеке. Очень важно, чтобы от этих вещей не отворачивались. В определённых оккультных кругах англоговорящих народов, там, где с этими вещами знакомы, — даже если дух народа является при этом крёстным отцом, — в течение всей второй половины девятнадцатого века встречались пророческие указания на вещи, которые совершаются сегодня. Подумайте только, что было бы, если бы люди всей Европы, за исключением народов, говорящих по-английски, не затыкали себе уши и не закрывали глаза, а были бы внимательны к этим вещам! Я хочу сообщить вам, что во второй половине девятнадцатого века постоянно высказывалась определённая формула. Эта формула такова: в России, для того чтобы русский народ мог развиваться, должно исчезнуть русское государство, а затем там должны быть проведены социалистические эксперименты, которые невозможно провести в западных странах¹². Для неангличанина это выглядит, возможно, малосимпатичной, но великой, захватывающей мудростью, разумностью в высшей степени. И тот, кто имеет в себе нечто подобное так, что способен верить в это как в импульсы, в осуществлении которых он принимает участие, тот поистине стоит в своём времени, тогда как другой из него выпадает.

¹² Эту мысль Рудольф Штайнер раскрывает, в частности, в лекции, прочитанной 21 марта 1921 года в Штутгарте, где он говорит о том, что в определённых кругах англоязычных странах хорошо осознавали силу действующего в человечестве нового социального импульса, и поэтому в целях сохранения и утверждения собственной миссии они стремились к проведению на Востоке, в России, череды специально направляемых социальных экспериментов, благодаря которым сознательно искажённый социальный импульс предстал бы в неприглядном виде, оказавшись тем самым скомпрометированным в глазах западного мира. Соответствующий фрагмент из этой лекции представлен в книге «Наводить мосты должны люди... Деятельность Рудольфа Штейнера и Хельмута фон Мольтке в служении новой Европе» (составитель Томас Майер, издательство «Humanus», М., 2016; стр. 10-11); полностью лекция представлена в GA 174b, «Духовная подоплёка Первой мировой войны».

Подобные вещи должны быть приняты во внимание. Это было, конечно, закономерным уделом Центральной и Восточной Европы — заткнуть уши и закрыть глаза перед оккультными фактами, не вслушиваться в них, а заниматься абстрактной мистикой, заниматься абстрактным интеллектуализмом, заниматься абстрактной диалектикой. Но теперь наступает время, когда дальше так продолжаться не может.

Подобные рассмотрения не должны порождать пессимизма, не должны порождать отчаяния. Нет! Силу, мужество, понимание того, что необходимо делать, — вот что должны мы вынести из этого. И в этом смысле мы должны помнить, что внутри антропософски ориентированного духовнонаучного движения мы поистине работаем не против задач эпохи, а с задачами эпохи. Пусть будет ясным для нас всё то, что в иных случаях мы бы проспали. Также и к бодрственному и сознательному формированию социальных импульсов вѣдет нас наша духовная наука, которая открывает сознанию то, что в других случаях осталось бы от него сокрытым, которая открывает нам, какие силы развивает человек, когда он свободен от своей телесности, как это происходит с ним от засыпания до пробуждения. Пусть нам будет ясно: мы посвящаем себя развитию необходимейших для нашего времени сил, когда, бодрствуя, думаем о том, что может пронизать нашу душу мощью, — может только тогда, когда мы думаем об этом, действительно бодрствуя. Но если мы вынуждены развивать это лишь в состоянии сна, то делаемся бессильными.

Две силы действуют в современности. Одна сила — это та, которая начиная с Мистерии Голгофы в различных метаморфозах Импульса Христа проходит через все последующие времена развития Земли. Мы уже не раз говорили о том, что именно в наши текущие столетия должно происходить своего рода повторное — на этот раз эфирное — явление Христа. Мы совсем недалеко от этого нового явления Христа. То, что Он придѣт, опять-таки не даёт нам никаких оснований для пессимизма, а равно и никаких оснований для тоски по туманному, эгоистически греющему душу существованию, состоящему в знакомстве с теософскими теориями. Импульс Христа в самых различных формах будет помогать осуществлению этой задачи — также и в той форме, какую он имеет сегодня, стремясь возвестить человечеству о том, что желает открыться для современной эпохи из духовных миров как спиритуальная мудрость; мудрость высших миров желает открыться, и помогать в этом будет Импульс Христа. Осуществление этого и будет главным.

И в этот критический момент человечество стоит перед важным решением. С одной стороны, существует Импульс Христа, который призывает нас из свободного душевного решения обратиться к тому, о чём говорилось сегодня — сознательно воспринять социальные импульсы, всё то, что является целительным для человечества, — и который может помочь воспринять всё это свободно, исходя из решения души. Поэтому мы соединяемся не на той точке зрения, которая хочет основать любовь на ненависти, как в случае призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», — мы соединяемся, стремясь воплотить в жизнь Импульс Христа, стремясь сделать то, что для нашего времени хочет Христос.

Этому противостоит Супостат. Тот, кого Библия называет противозаконным князем мира сего. Он предстаѣт в различнейших формах. Одна из этих форм такова: те силы, которые имеются в распоряжении человека, чтобы исходя из свободного решения обратиться к обскуddавшемуся сегодня, эти силы, которые должны быть задействованы из свободного решения, поставить на службу телесности. Различными инструментами пользуется Супостат, противозаконный князь мира сего. Среди них, например, голод и социальный хаос. В таких случаях через физические средства, через принуждение расходуется та сила, которая должна быть поставлена на службу свободному человеку. Только посмотрите, как человечество сегодня на каждом шагу показывает, что оно не желает из свободного решения обращаться к подлинно социальной жизни и к познанию истинного человеческого развития, оно желает оставаться под гнѣтом принуждения. Посмотрите на тот факт, что этот гнѣт ещё никогда не заходил столь далеко, что люди вообще перестали хоть как-то различать истинный дух

сверхчувственного мира, Дух Христа — и Дух Супостата, противозаконного князя мира сего! Тогда вы увидите это соотношение и сможете сказать себе: это объясняет, почему люди сегодня повсеместно отказываются воспринять что-либо из духовного провозвестия, из духовных истин и духовной науки; они именно одержимы противозаконным князем мира сего.

Когда вы из глубинного свободного решения обращаетесь к духовной жизни, смотрите на себя — пусть в самом скромном, но то же время в самом серьёзном и полном силы смысле — как на посланцев Духа Христова в наше время, как на борцов с противозаконным князем мира сего, который делает одержимыми всех, кто не из сил сознания, а из совершенно других сил позволяет принуждать себя делать то, что как раз отвращает человечество от будущего. Подобный настрой не приведёт вас к пессимизму, подобный настрой просто не оставит вам времени, чтобы лишь взирать пессимистически на мир. Он не даст вам заткнуть уши и закрыть глаза перед лицом того, что столь мощно и ужасающе трагически заявляет о себе в ходе событий, — дабы вы увидели происходящее в его истинном облике. Но прежде всего вы так проведёте это перед своим душевным взором, что скажете себе: в любом случае я призван к тому, чтобы видеть всё без иллюзий; и я не должен испытывать ни пессимизма, ни оптимизма, а должен приложить все усилия, чтобы именно в моей собственной душе пробудились силы к общей работе над свободным развитием человечества, над прогрессом, и именно на том месте, на котором я нахожусь в своей жизни. И не к пессимизму или оптимизму должен быть склонен человек, в том числе когда ему ещё и с духовнонаучной точки зрения указывается на и без того отчётливо заметную деградацию и косность времени; он должен стремиться к тому, чтобы стоять на собственных ногах, он должен пробудиться в самом себе для работы и взращивания правильных мыслей. Ибо понимание необходимо прежде всего. Если бы сегодня достаточное число людей хотело сказать себе: мы должны прежде всего обрести понимание в отношении этих вещей, — всё остальное пришло бы! И если хотят обрести понимание в отношении социальных вопросов, то дело при этом сводится к тому, чтобы в бодрственной жизни прежде всего иметь волю к познанию. Затем эта воля будет возрастать — ведь о ней уже позаботились, — поскольку она подлежит развитию. Если мы в бодрственной жизни хотим себя развивать, хотим вырабатывать для социальной жизни соответствующие представления, то тогда — согласно оккультному закону — мы постепенно придём к тому, что каждый, кто ищет этого познания для себя, всегда сможет взять с собой ещё одного человека. Каждый, посредством своей воли, сможет позаботиться о двоих. Мы могли бы многого достичь, если бы только имели серьёзную волю к тому, чтобы прежде всего обрести понимание. Тогда бы пришло уже и дальнейшее. Плохо не столько то, что многие люди сегодня ещё не способны действовать; бесконечно плохо то, что люди не могут решиться хотя бы познакомиться с социальными законами, изучить их с духовнонаучной точки зрения. Всё другое придёт, если они будут изучены.

Это то, что я хотел сегодня сообщить вам в отношении важного, для современности важного знания, — и понимания. А также в отношении того, как это понимание могло бы стать жизненным импульсом. Будем надеяться, что в неотдалённом времени мы снова сможем поговорить об интимных вещах нашей духовной науки. Надеюсь, до скорой встречи!